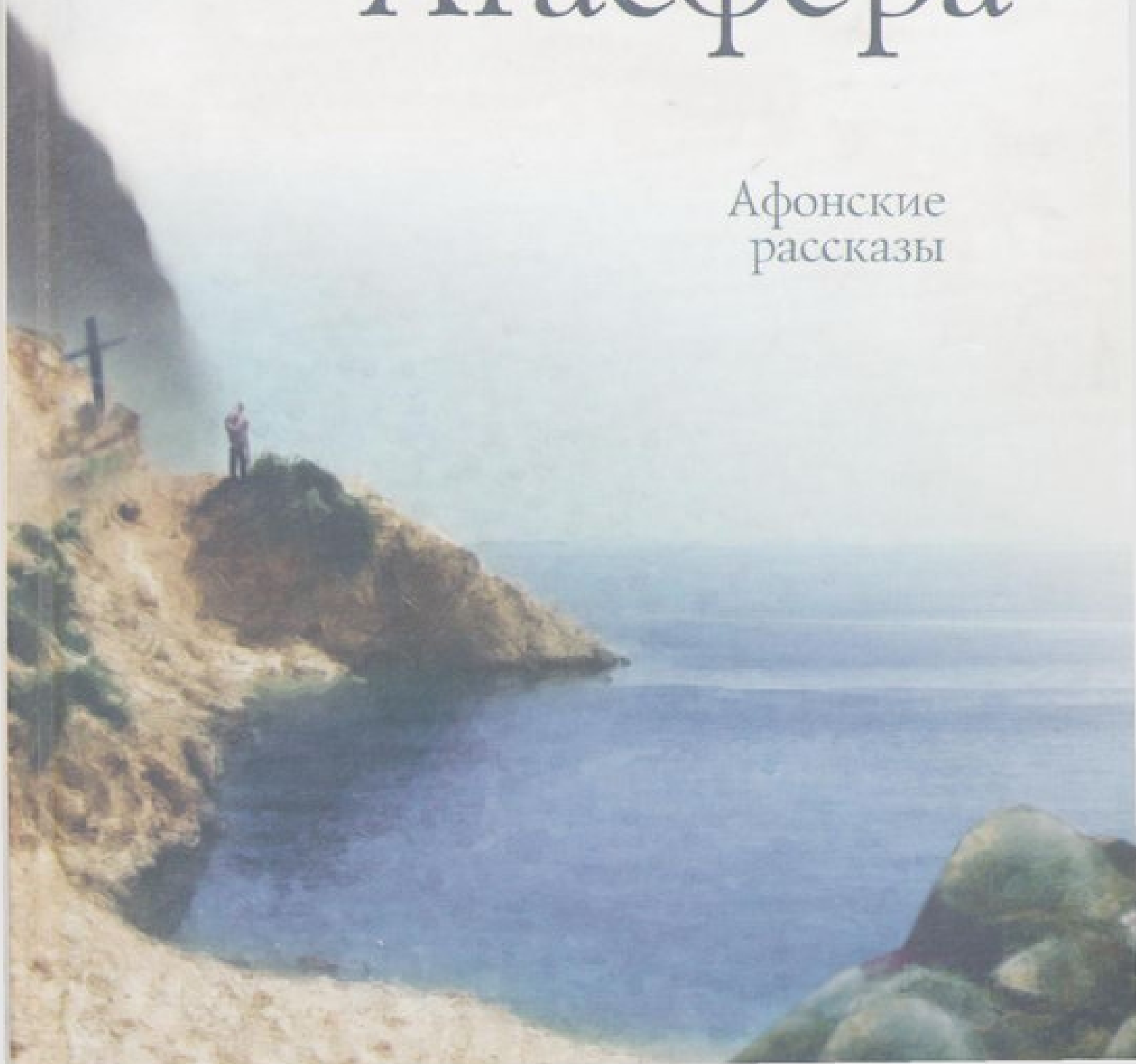

Станислав
Сенькин

Покаяние Агасфера

Афонские
рассказы

Annotation

Сборник «Покаяние Агасфера» продолжает цикл афонских рассказов молодого писателя Станислава Сенькина. Его первая книга – «Украденные мощи» – за короткий срок выдержала несколько переизданий.

Станислав Сенькин родился в 1975 году. Окончил факультет журналистики МГУ, работал по специальности. Много путешествовал по России и другим православным странам. Три года прожил на Святой горе Афон. В своих рассказах автор, не избегая современных художественных приемов, повествует о жизни уникальной «монашеской республики». Наполненный юмором, любовью и тонким знанием быта святогорцев, новый сборник рассказов будет интересен и воцерковленному читателю, и только начинающему интересоваться православием неопиту.

Станислав Сенькин

Покаяние Агасфера. Афонские рассказы

Предисловие автора

Может быть, я поступил неправильно, греховно, но теперь уже всё равно – прошлое невозможно вернуть или изменить. Я покинул Афон.

Я оставил его зелёные горы, тропинки, прорезающие леса, его камни и море с неповторимым характером. Как объяснить себе это бегство из рая молитвы и школы настоящего смирения? Ум найдёт оправдание, но душа его не примет. Она не смирится с потерей, и будет оплакивать её до конца своего пребывания на этой земле.

Мы ищем благо соразмерно силам своих душ. И тот, кто решит воспринять благо сверх своей меры, никогда не сможет удовлетвориться меньшим. Теперь я понимаю: покинув Святую гору, я оставил там своё сердце биться в такт с сердцами монахов...

И хотя мне есть о чём сожалеть, но я не сожалею; мне есть о чём плакать, но я радуюсь. Ведь я – счастливей многих, не видевших то, что видел я, и не слышавших того, что мне довелось услышать.

Счастье – провести несколько лет на Святой горе. И я счастлив.

Мир тебе, Афон, твои чертоги озарены светом вечности!

Косуля

– Сотвори милость рабу твоему!

Поседевший в подвигах зилот Антоний – старец одной из керасийских кафизм искал свою косулю.

– Лало! Лало! – Слышались в лесу жалобные крики старика.

Годовалая Ипакои – так звали пропавшего зверя – была найдена старцем полгода назад. По-гречески это слово означает «послушание» и старец искал косулю так же усердно, как юный подвижник ищет нелицемерного послушания у духовника. Отец Антоний очень любил Ипакои.

Бродя по окрестностям кафизмы, он вспоминал, как вытащил её из оврага близ тропинки, ведущей в Великую лавру. Упав туда, косулёнок, видимо, сломал ногу и не мог выбраться. Услышав шаги бредущего по тропинке старца, он жалобно заблеял, словно зовя его на помощь. Геронта Антоний умилился, разглядев сквозь толстые линзы очков плачущего зверька, и, сам рискуя сломать ногу, полез в овраг. Вытащив на тропинку дрожащее от страха и боли животное, старец с любовью взял его на руки и осторожно понёс в кафизму. Сердце билось тяжело, гулким стуком отдавая в виски, – отцу Антонию было уже за восемьдесят, и нести косулю, пусть и совсем ещё детёныша, старику было очень тяжело...

Антоний жил один в маленькой деревянной кафизме – бывшем сарае богатой русской кельи святого Иоанна Богослова в скиту Кераси. В самой же келье, стоявшей метрах в пятидесяти от кафизмы, жили пятеро молодых монахов-зилотов во главе со старцем Ираклием. Отец Ираклий был человеком щедрым и геронта Антоний всегда был одет и сыт. Зилоты в Иоанна Богослова занимались иконописью, заказов было много, и наличных средств на содержание этой большой кельи всегда хватало.

Антоний переселился в кафизму пару лет назад по приглашению старца Ираклия, своего старинного приятеля, когда понял, что стал настолько немогуч, что обходиться без посторонней помощи уже не сможет. Послушников отец Антоний не хотел брать, поскольку был нелюдим и избегал общения. По этой же причине он отказался перейти в самую келью, предпочтя ей грубо сколоченный сарай. Так, сохранив некоторую независимость, он всегда мог надеяться на помощь братьев, в том числе и врачебную, – один из монахов окончил афинский медицинский институт.

Увидев обливающегося потом отца Антония, несущего в старческих, дрожащих от напряжения, руках маленького косулёнка, рясофорный послушник Григорий – тот самый врач – подбежал к нему и, приняв ношу, донёс больную косулю до кафизмы. Закрепив повреждённую ногу животного биндажом, он сделал косуле укол успокоительного.

– Как назовёшь зверёныша? – поинтересовался Григорий у старца.

Отец Антоний неожиданно рассмеялся.

– У меня никогда не было послушания. Назову-ка я её Ипакои – хоть на старости лет смогу со спокойной совестью говорить всем, что, наконец, обрёл послушание. Лучше поздно, чем никогда.

– Смирный раб Божий! – Григорий рассмеялся в ответ. – Значит, оставишь её себе?

Старец ничего не ответил.

Конечно, он оставил косулёнка, хотя бы для того, чтобы его выходить. Через месяц маленькая Ипакои оправилась и уже вовсю скакала у кельи. Она стала совсем ручной и, по-видимому, покидать келью не собиралась, чему был рад не только отец Антоний, но и другие монахи с Кераси.

Старец чувствовал, как привязался сердцем к этому маленькому беззащитному животному.

– Эй, Ипакои, да что ты всё скачешь и скачешь! Посиди ты хоть немного на месте!

И косуля подбегала к старцу, а тот с нежностью гладил её по холке. Геронта Антоний чувствовал, что с появлением в его судьбе Ипакои он влюбился в жизнь так, будто только начинал жить. Старец стал более открытым в общении, и монахи, навещавшие старца поначалу только для того, чтобы посмотреть на ручную косулю, вскоре частенько стали приходить к нему за советом, удивлялись тому, как просто он разрешал их противоречия. Всем вдруг стало очевидно то, о чём прежде никто не догадывался – какое у старика на самом деле доброе сердце.

Отец Антоний действительно преобразился. С приручением Ипакои в нём будто проснулось нечто, до времени дремавшее в монашеском сердце. Глаза его светились внутренним, благодатным светом, идущим из глубины исстрадавшейся души, где мельничными жерновами искушений стёрлись в порошок лютые, борюющие человека от юности, страсти. Облик его стал внушать благоговение: седые волосы и густая борода, свалывшиеся оттого, что их давно не касался гребень, придавали ему сходство с пророком Илией на древней византийской фреске. Он стал казаться монахам и паломникам обладателем той же силы, что была у святых, повелевавших зверьми: Герасима Иорданского, приручившего льва, Серафима Саровского, кормившего медведя, праотца Адама до грехопадения...

Косуля прожила в кафизме старца около полугода, а затем неожиданно исчезла. Старец очень горевал о своей Ипакои и братья старались утешить его как могли:

– Ничего, геронта, погуляет Ипакои и вернётся!

Отец Антоний был благодарен добрым монахам за их старания. Он понимал, что косуля – животное дикое, и зов природы мог пересилить её привязанность, но сердце старца, так неожиданно и полно, благодаря маленькой Ипакои, ощутив любовь ко всему живому, скорбело о пропаже.

– Сотвори милость рабу твоему!

Отец Антоний искал свою косулю.

– Лало! Лало! – Слышались в лесу жалобные крики старика.

... – Как ты мне надоел, старый колдун! – Молодой рабочий албанец Ибрагим опылял яблони и шелковицу и с раздражением слушал, как старец плаксиво зовет свою косулю. Ибрагим был мусульманином, состоит в ОАК [1], содержащейся на средства, добытые от продажи наркотиков, людей и оружия, и скрывался на Святой горе от Интерпола. У Ибрагима, несмотря на молодость, было богатое криминальное прошлое: он занимался транзитом опия-сырца в Италию и участвовал в терактах. Но удача отвернулась от него, полиция вышла на след их ячейки, и теперь он и его подельники были занесены в списки Интерпола.

Поначалу часть группы, включая Ибрагима, руководство ОАК переправило в северный Эпир, который, как они считали, в ближайшем будущем должен быть присоединён к «Великой Албании». А затем муле двоюродной сестры посоветовал ему пожить на Афоне, где, по его словам, можно было скрываться под видом рабочего сколь угодно долго.

И вот, Ибрагим уже полгода трудился водной из келий самого высокого скита Кераси.

Но, несмотря на все выгоды своего нынешнего положения, Ибрагим с каждым днем всё отчетливее понимал, что жить здесь спокойно не сможет. На северных Балканах православные храмы, которые он взрывал, были в большинстве своём маленькими, простой архитектуры. Здесь же он видел ненавистное православие во всём его великолепии и силе. Храмы были красивыми и богатыми, монахи – весёлыми. В общем, всё на Святой горе вызывало в нём ненависть; гнев, который Ибрагим был вынужден тщательно скрывать, неугасимо тлел в душе, и от его нестерпимого жара он не мог спать.

Бессонными ночами Ибрагима мучило одно и то же воспоминание: сербы взрывают мечеть в его селе и русский тротил не оставляет от священного здания камня на камне. А затем шальная пуля, выпущенная сербским новобранцем, убивает его деда, человека доброго и безобидного.

Почему же, думал он, ворочаясь на своей лежанке, судьба распорядилась так, что он оказался в самой сердцевине христианского мира, зачем Аллах привёл его на эту землю, где его ненависть, не без «помощи» дружелюбия местных монахов, всё росла и росла?

Ибрагим не был благочестивым мусульманином: Коран он не читал, в Хадж отправляться не собирался и, вообще, любил вино и гашиш. Но именно здесь, на Святой горе, Ибрагим ощутил унижение своей веры: на Афоне он не мог свободно совершать намаз, и хотя Ибрагим не делал этого и раньше, запрет святогорского правительства казался ему унижительным.

Келья, где он работал, находилась по соседству с кельей Иоанна Богослова, и Ибрагим часто видел старца Антония, ласкающего свою косулю. Албанец наблюдал, как ненавистные ему сербы, которых много было среди зилотов, возились и сюсюкали с этим существом, ставшим всеобщим любимцем.

Эта ежедневная картина – седобородый благообразный монах с косулёнком – вызывала у албанца приступы непонятной, дикой злобы. Он должен что-нибудь сделать, иначе ненависть разъест его изнутри, словно щёлочь!

И однажды ночью Ибрагим, наконец, решился. Да, – думал он, пробираясь под покровом темноты к сараю отца Антония, – это надолго выбьет из колеи мерзкого старика, да и других монахов. Пусть и не большая, но месть православию, месть за зверства сербов!

Подойдя к кафизме, Ибрагим почувствовал, как душа его наливается истомой мести. Ипакои лежала в прихожей и, увидев албанца, доверчиво и радостно вскочила. Ибрагим презрительно хмыкнул, и умело ударил её молотком по голове. Зверь упал замертво, не издав ни звука. Постояв немного и прислушавшись, не проснулся ли Антоний, албанец вынес безжизненное тело животного на улицу. «Хорошо, что у этих дурных монахов нет обычая держать собак», – подумал он.

Ибрагим вернулся в свою комнату и там освежевал тушку косули острым кривым ножом. Затем зарыл в заранее выкопанной яме кости, ребруху и шкуру. Мясо, которого оказалось совсем немного, албанец завернул в полиэтиленовый пакет и положил в холодильник.

На следующее утро Ибрагим, наконец, выпавшись, опылял деревья и с затаённой радостью смотрел с холма, как внизу суетились монахи, прочёсывая окрестности кафизмы Антония в поисках косули.

«Глупцы! Ну, ищите-ищите», – подумал албанец, и, рассмеявшись своим мыслям, пошёл в рабочую трапезную, где и пожарил припасённое мясо.

Ближе к вечеру к нему подошел поникший эконо́м и смиренно поинтересовался, не видел ли тот маленькую косулю Антония? Ибрагим сделал недоумённое лицо и отрицательно покачал головой. Он торжествовал, его сердце, наконец, освободилось от жара ненависти – он отомстил ортодоксам, и будет мстить ещё...

...Но прошло несколько дней, и освобождение оказалось иллюзорным. Ибрагим почувствовал, как в сердце вновь разгорается злоба, но на этот раз такой силы, что по сравнению с ней прежнюю можно было назвать лёгкой раздражительностью. Убийство косули, словно очередная доза наркомана, лишь на время приглушило ломку мести.

Старый Антоний всё звал Ипакои: «Лало! Лало!»

Ибрагим даже захрипел от ярости. Посмотрев на свои трясущиеся от возбуждения руки, он положил на землю распылитель и быстрыми шагами направился в лес, туда, где этот старый неухоженный монах

искал своё животное.

Он понял, что ему нужно сделать теперь для удовлетворения своей злобы. Если скинуть Антония с тропы на камни, то вряд ли кому-нибудь придет в голову, что это убийство. Кому нужна жизнь этого старика? Все подумают, что, бродя в поисках своей любимицы, он оступился и упал в овраг.

Ибрагим шел на жалкие призывные крики старца и был полон решимости. Хватит ему прятаться – убив старика, он вернется в Косово и будет драться за свободу своей родины.

Выйдя на тропу, ведущую в лавру, Ибрагим увидел старца. К нему приближались двое греков-паломников, и албанцу ничего не оставалось, как спрятаться за большим валуном. Из-за своего укрытия он слышал, как паломники поприветствовали старца и тот громко, как свойственно тугим на ухо людям, осведомился у них, не видели ли они косулю, его Ипакои.

«Ну, что ж, эти паломники очень кстати, – подумал Ибрагим, если их будут опрашивать полицейские, они подтвердят, что кроме отца Антония никого на этой дороге не видели». Дождавшись, пока паломники скрылись из виду, он, наконец, подобрался к отцу Антонию на расстояние нескольких метров. Старец стоял, опираясь на бастуни [2] и тяжело дышал.

Место было удачным для убийства: в нескольких метрах от тропы начинался большой овраг, дно которого было усеяно острыми камнями и валунами. Ибрагим вспомнил, как один рабочий рассказывал, что пару лет назад в эту лощину упал мул с монахом. Правда, мул сломал обе ноги, а монах отделался лёгким испугом, но... если Антоний не умрёт, Ибрагим, в конце концов, может добить колдуна булыжником.

Убийца подошел к старцу совсем близко. Неожиданно отец Антоний обернулся, и албанец застыл под взглядом старца. Его глаза были все в маленьких красных прожилках и блестели каким-то особенным блеском, блеском любви...

...Отец Антоний знал Ибрагима. Этот молодой албанец работал в келье папы Максима. Может быть, он знает, куда делась Ипакои? Старец улыбнулся:

– Ибрагим, ты ведь знаешь мою косулю, мою Ипакои? Может быть, тебе довелось где-нибудь её видеть, здесь, в лесу, или в каком-нибудь другом месте?

Ибрагим сжал кулаки и странно улыбнулся.

– Конечно, отец Антоний, я знаю, где ваша косуля.

Старец застыл в изумлении, глядя на Ибрагима.

– Что?! Повтори, пожалуйста!

Ибрагим внезапно покрылся липким потом и выдавил из себя:

– Ваша косуля...

Глаза старца до краёв наполнила любовь. Это была та же любовь, тот же свет, что Ибрагим, будучи ребёнком, видел в глазах деда, родившегося в горном селении и умершего от шальной сербской пули... Этот свет ни с чем нельзя было спутать.

На глазах старца выступили слёзы:

– Родной ты мой человек, если бы ты знал, как долго я искал свою Ипакои.

Антоний подошел к албанцу, обнял его, уронив посох, и заплакал от радости.

Кулаки Ибрагима безвольно разжались. Любовь старца к косулёнку, к нему, Ибрагиму, и, вообще, ко всему живому, была так сильна, что от ненависти Ибрагима в одночасье не осталось и следа. Этот блеск в

глазах отца Антония открыл в сердце албанца какую-то потайную дверь, за которой до сих пор томилась, словно невольница, лучшая часть его души. Раскаяние штормовой волной пронеслось в его сердце, сметая все нечистые замыслы на своём пути.

Ибрагим на мгновение понял, что же такое ад.

Это ни что иное, как вечное раскаяние.

Албанец тоже обнял старца за плечи сильными руками и разрыдался. Но никакие слёзы не могли унять ту боль, что пронизывала его сердце.

Золотой крест

Престольный праздник русского Пантелеимонова монастыря всегда проходил радостно, как и положено хорошему празднику. Вот и в этот раз веселье словно витало в воздухе, смешиваясь с запахом ладана и звоном кадил. Народу пришло много – не продохнуть: сербы, болгары, румыны, греки, – все пришли почтить память святого великомученика и целителя Пантелеймона. И, хотя аскетичные святогорские старцы не одобряют частое хождение по престолом, не без основания полагая, что они расслабляют подвижников, но изредка посещать панигиры считается на Афоне делом чести и любви.

Частые «ходыки», из тех, что появлялись на агрипнии ради развлечения или чревоугодия, уже узнавали друг друга, и стыдливо прятали лица, испытывая чувство вины за своё празднолюбие.

Кто-то любил панигиры за вкусную еду, кто-то – за возможность участвовать в великолепном афонском богослужении, или попеть византийские гимны, много и от души. Кому-то, особенно пустынноикам-келиотам, хотелось пообщаться на духовные темы или просто посплетничать, а кто-то хотел помолиться и почтить память того или иного святого, попросить у него помощи в искушениях или денег на ремонт кельи.

Сейчас заканчивалась особенная часть богослужения – кафизмы: чтение псалтыри. Хотя по-гречески «кафизма» означает «сидеть», греки, преклоняясь перед авторитетом Священного Писания, на кафизмах стояли. Русские же монахи сидели, считая, что так положено. На каноне – напротив: греки садились, а русские поднимались со своих мест. Подобные небольшие отличия заставляли некоторых подозрительных монахов сомневаться в православии коллег другой национальности.

Кафизмы уже заканчивались и псалтосы готовились петь седальны (тут вставляли все – и греки, и русские), вскоре начнётся полиелей, одно из самых торжественных мест агрипнии. Пономарь возжёт свечи на хоросе и с помощью длинной жерди раскачал его. Эти позолоченные паникадила, качающиеся во время полиелея из стороны в сторону, служат прекрасным символом радости небесных светил: солнца, звёзд и луны.

Монахи затянули полиелей на два хора:

– Хвалите имя Господне, хвалите, рабы, Господа! Аллилуйя! Стоящие во храме Господне, аллилуйя!

Почетными гостями монастыря в этом году были старенький ксенофонтский игумен и четыре епископа из России. Один из них, архиепископ Мисаил, привёз монастырю подарок – большой напестольный крест из чистого золота.

Это был не простой подарок – крест символизировал признание патриархом и Священным Синодом трудов афонского игумена и показывал, какое внимание оказывает Русская Православная Церковь возрождающемуся русскому афонскому монашеству. Собором старцев было принято решение перенести крест в монастырскую ризницу после того, как стихнет торжество.

Крест архиепископ передал ещё два дня назад в Пантелеимоновом соборе. В тот день перед вручением он сказал речь, в которой признался братьям и отцам монастыря, что, ещё учась в семинарии, хотел стать послушником у отца Иеронима – игумена монастыря – и мечтал, как отправится на Святую гору. Но Господь судил иначе, и ему, теперешнему архиепископу Мисаилу, мать Церковь вверила кормило крупной епархии. Отец Иероним растроганно облобызал крест и, по-старчески семеня, отнёс его в алтарь.

В праздничный день в монастырь приехали не только высокие гости – все русские сиромаша сегодня могли посетить обитель, не боясь того, что их отправят обратно, в сиромашечью «Шаталову пустынь». Их поселяли, правда, не без проволок, в огромном здании монастырского архондарика, где они, в

ожидании малой вечерни, обсуждали последние святогорские новости.

Русские на Афоне вели себя не так, как, например, румыны. Если последние держались друг друга и всячески помогали единоплеменникам, русские, напротив, «делили» святогорскую территорию, словно хищники. И, хотя они тоже дружили между собой, но дружба их носила какой-то соревновательный характер. Греки шутили по этому поводу, мол, русские как львы – ленивые, гордые и заняты только тем, что дерутся за территорию.

Среди русских, прибывших в обитель, был и профессиональный вор.

– Это заведение чем-то похоже на тюрьму, – думал он, осматривая монастырь. – Правда, сидят здесь добровольно...

Вор по имени Алексей приехал на Святую гору в качестве паломника ещё засветло. Наводку на то, что в монастырь из России привозят золотой крест весом более двух килограммов, дали ему два брата понтийца, с которыми у него были общие дела в Салониках. Один из них обещал за небольшой процент помочь в сбыте золотого креста.

Алексей стоял в одной из передних стасидий, осторожно и внимательно осматривая помещение храма. Всё шло именно так, как описывал понтиец – ему однажды довелось побывать на подобной службе. После бдения, которое закончится по его подсчётам часов через десять, все уйдут отдыхать перед литургией на три-четыре часа. Алексей после бдения спрячется за хоругвями. Если его и найдут, он всегда сможет изобразить задремавшего паломника – немудрено за десять часов не заснуть. Но если он останется необнаруженным, то пробраться в алтарь и украсть крест будет проще простого.

Самое сложное будет выбраться из храма незамеченным, для этого нужно смешаться с толпой до того, как обнаружат пропажу. Если и это удастся, – а Алексей верил в свою везучесть, – останется перелезть через стену за братским корпусом, и всё – ищи ветра в поле! Понтиец подробно описал Алексею, как убраться со Святой горы, минуя паром, на котором проверка полицией была бы неизбежна. Путь этот проходил через виноградники к дороге, ведущей на Иериссо. Ну, а там его уже будет ждать поделщик понтиец.

Осмотревшись и составив план действий, Алексей, чтобы скоротать время, принялся украдкой разглядывать толпу, наполнившую храм до отказа.

Лица, в основном, были радостны, только греки недовольно морщились, слушая русское пение. Особенно не нравились им первые тенора – греки считали, что у них «женские» голоса, и некоторые даже ворчали и передразнивали русских певцов.

Алексею же наше хоровое пение нравилось больше греческого. Слушая, он вспоминал, как ещё до первой судимости время от времени приходил в храм, ставил свечки и слушал хор. Эти воспоминания, хоть и привели Алексея в состояние умиления, но решимости украсть крест не убавили.

К концу полиелея Алексей перебрался к крайней стасидии правого клироса. Бдение уже заканчивалось, и монахи, выйдя на середину храма, затянули какие-то гимны. Алексей зевнул и, нащупав в кармане набор отмычек, укрылся в самом углу.

Наконец, бдение закончилось, монахи, гости и паломниками стали выходить из храма, и довольно скоро в здании остались только вор и пономарь, в обязанности которого входило тушить лампы. Делал он это специальным опахалом, так как задувать свечи и лампадки нельзя, – это считается неблагоговейным, да и висели некоторые лампы очень высоко. Когда пономарь покончил с передней частью храма, Алексей на цыпочках прокрался к большой архиерейской стасидии и спрятался за ней. Охранявшие стасидию у ее подножия два маленьких деревянных грифона, казалось, сердито косились на

вора.

Закончив, пономарь, грузный рыжеволосый дьякон, неторопливо удалился, закрыв за собой большую храмовую дверь. Алексей подождал ещё немного, осторожно выглянул из-за своего укрытия и, внимательно осмотревшись, пошёл к северной алтарной двери.

Достав из кармана набор отмычек, Алексей почувствовал хорошо знакомое ему приятное волнение, которым всегда сопровождалось его противозаконные деяния, и нагнулся к замочной скважине, чтобы точно определить, какие нужны отмычки...

Вдруг где-то рядом с ним тихо звякнуло. Алексей быстро выпрямился и, оглянувшись, увидел стоящего у южной двери монаха, испуганно взирающего на Алексея. В руке он держал кольцо со множеством нанизанных на него ключей.

Первым заговорил монах.

– Эй! Что вы здесь делаете?! Служба давно закончилась! – неуверенно, но грубо окликнул он Алексея.

– Я паломник, вот, заснул на службе... А вы... наверное, пономарь?

– Я-то пономарь...

– Отец пономарь, тогда откройте мне дверь, пожалуйста, – пойду, отдохну перед литургией.

Монах почесал в затылке и как-то странно огляделся.

Алексей, прищурившись, наблюдал за ним – тот явно нервничал.

– Ну, хватит дурака валять, – Алексей подошёл к незнакомцу. – Я знаю, как выглядит здешний пономарь, вы на него что-то не очень похожи – где же рыжая борода? очки? – он, ухмыляясь, смотрел на поникшего собеседника.

Тот продолжал молчать.

– Я думаю, мы с тобой пришли сюда с одной и той же целью.

– Возможно, возможно, – отозвался, наконец, незнакомец, нервно пощипывая бороду и отводя взгляд.

– Знаешь, – продолжил Алексей, – мне нужен крест, и тебе, как я понимаю, он тоже нужен?

Монах тяжело вздохнул.

– Да простит меня Господь.

Они помолчали.

– Отлично! – Усмехнувшись, продолжил Алексей. – Ну и что же мы будем делать? Распилим его пополам?

– Нет, конечно! – В глазах монаха появился благоговейный испуг. – Это кощунство. Давай, кинем жребий: кто выиграет – тот забирает крест, кто проиграет – возьмёт остальное. Ну, что сможет унести. Это тоже добыча немалая.

Алексей задумался.

– Хорошо. Кинем жребий. Только вот скажи мне, я-то неверующий, и для меня украсть этот крест – плёвое дело. Я не боюсь никакого, там, высшего наказания за святотатство, и единственное, что меня пугает, это полицейские у меня на хвосте. А, вот, ты, похоже, не так далёк от веры, как я, но твоё желание украсть этот крест, мне кажется, ничуть не меньше моего.

Вор в подряснике тяжело вздохнул.

– Не знаю, нужно ли обо всем этом рассказывать, но раз уж такое дело... в общем, в двух словах, из меня не получился монах. Я усердно работал над собой, молился ночи напролет, и в итоге понял, что ничего это не значит... Выигрывает только тот, кому ты несёшь послушание, выигрывает, получая очередного раба. А сам послушник ничего духовного взамен не приобретает. В русский монастырь меня уже не берут, в греческий – тем более. Один раз взяли рабочим в румынский скит, но скитоначальник невзлюбил меня и так стал допекать, что я убежал оттуда через два дня. А я ведь старался делать так, как он говорит, но он всё равно шпынял меня, как шелудивого пса. И вот, слоняюсь я по горе уже два года... У меня даже денег нет, чтобы вернуться на родину и я, кажется, начинаю верить, что и в самом деле я... шелудивый пёс. Короче, святотатство для меня теперь... не проблема.

Горе-монах совсем поник, что не очень вязалось с его последними словами.

Алексей кивнул.

– Я подытожу, с твоего позволения. Раскусив систему, ты захотел получить компенсацию за свои страдания... Правильно? – И, не дожидаясь ответа, продолжил. – Итак, вот монета в один евро. Выпадет Европа – твоя взяла, выпадет Александр Великий – крест мой. Ну, как?

Монах опять тяжело вздохнул и затеребил нечёсаную бороду.

– Я бы, конечно, предпочёл написать две записочки и положить их за иконой, но времени уже мало. Давай, только, сначала зайдём в алтарь, посмотрим, что это за крест, может быть он вообще – позолоченный, а потом уж кинем жребий. Хорошо?

Алексей усмехнулся.

– А что это у тебя в руке?

Монах поднял вверх связку ключей.

– Украл в монастырской мастерской, думал, удастся подобрать ключ.

– Профессионал, сразу видно! Давай уж лучше я.

Монах опустил руку, громко звякнув грудой разнокалиберных ключей, и на его лице появилось обиженное выражение.

Алексей вытер платком руки, надел латексные перчатки, выбрал из своей связки две небольшие отмычки и через несколько мгновений северные двери были открыты. Злоумышленники, немного постояв на пороге, один за другим вошли в святая святых Пантелеимонова храма. Алексей усмехнулся, увидев, как вор в подряснике сделал несколько поклонов перед престолом, но от язвительной шутки по этому поводу воздержался. Они сняли покров с престола и стали пристально рассматривать искусно отлитый крест.

Насколько Алексей мог судить, он, действительно, был из чистого золота.

Вор в подряснике благоговейно спросил:

– Ну что, профессионал, забираем? А выйдем из храма – бросим жребий, кому Бог даст владеть этим крестом.

– Слушай, – презрительно ответил Алексей, – ты Бога-то хоть не приплетай к этому. В чём-чём, а в таких делах главный, кажется, совсем не Бог. Знавал я одного такого на зоне. Тоже говорил: Бог, Бог. А сам...

Алексей не договорил. Небольшая дверь, ведущая в алтарь прямо из пономарки, вдруг открылась, и в святая святых вошел игумен Иероним.

Злоумышленники так и застыли, держа вдвоём крест в вытянутых руках, словно приветствуя отца игумена благословляющим жестом. Иероним остановился, как вкопанный, но выдержки не потерял. Подойдя к застывшим от неожиданности вора, он приложился к кресту и, освободив его из рук воров-неудачников, положил обратно на престол. Накрыв его, он, наконец, обратился к ним, как ни в чём не бывало:

– Молитвенники мои! А вы-то что здесь делаете?

– Мы-то? – Алексей первым оправился от испуга. – Золотой крест ворует.

Игумен, прищурившись, взглянул на вора-профессионала, поднял вверх указательный палец и назидательно заговорил:

– Вот что, крест монастырский, и украсть его я вам дать не могу! Вы что, не понимаете, на что покусились? Это же святыня! Крест, видите ли, они хотят украсть! Ещё раз что-нибудь подобное сотворите, запрещаю вам ходить в монастырь, понятно?

Подельники молчали. Махнув в их сторону рукой, отец Иероним подошёл к стоявшему в углу холодильнику и заглянул в него.

– Зачем я пришёл-то? – глухо прозвучало из недр холодильника. – Хотел проверить, на месте ли просфоры. Иногда так бывает – просфорник забудет, не принесёт.

Игумен закрыл дверцу, обернулся и, увидев так и не двинувшихся с места воров, заторопил их.

– Вот что, рабы Божьи, давайте-ка идите отсюда, не успеете отдохнуть до литургии. А уже после трапезы зайдёте ко мне в келью. Там я с вами и поговорю. Давайте-давайте, быстрее. – Игумен стал подталкивать их к выходу. – Мне же завтра служить.

Игумен закрыл дверь в алтарь снаружи и провёл воров через малую портю, поскольку большая была закрыта.

– Отдыхайте, завтра поговорим.

Воры, начавшие приходить в себя от изумления, пошли в архондарик. По дороге Алексей спросил своего подельника:

– Слушай, а игумен не заложит нас полиции?

– Не должен. Думаю, что всё это произошло с нами не без воли Божьей. Как ты думаешь, есть в этом смысл?

Алексей не ответил...

...На литургию они опоздали, но зато успели на сытную трапезу, где отведали и хорошего монастырского вина, и просто, но удивительно вкусно, приготовленную рыбу и осьминогов.

Поев, они стали дожидаться, когда освободится игумен. Ждать пришлось долго: сначала игумен с братьями принимали поздравления от епископов и гостей, затем был крестный ход, на время которого вору в подрыснике дали послушание нести хоругвь с изображением Иисуса Христа.

Наконец, злоумышленникам удалось подойти к игумену. Он посмотрел на них не слишком дружелюбно, что, в общем, было вполне объяснимо, учитывая вчерашнее происшествие. Игумен грозно махнул рукой и пригласил их следовать за ним. Поднявшись на второй этаж братского корпуса, они зашли в келью отца Иеронима. Тот достал из письменного стола большую старую тетрадь и, надев очки с толстыми линзами, стал перелистывать её.

– Вот! – ткнул он пальцем в свои записи. – Читайте здесь.

Послушник взял тетрадь и вслух прочел:

– Каким святым молиться, чтобы избавиться от греха воровства. Преподобный Моисей Мурин и Святитель Николай Чудотворец.

– Запомните, или записать? – Игумен взглянул на Алексея и взял ручку. – Запишу, всё-таки.

Получив игуменское благословение и держа в руках бумажки с именами святых, обескураженные Алексей и его подельник отправились на паром и разговаривали до самого выхода к Уранополю.

– Знаешь, странный человек этот игумен, – продолжая беседу, задумчиво сказал Алексей.

– Да... Я по-всякому о нём думал, но теперь всё больше убеждаюсь, что он – святой. Ведь святость – это совсем не то, что ожидают люди. Как ты думаешь?

– Не знаю, я вообще далёк от всего этого.

Паром, тем временем, прибыл в Уранополю, и пассажиры высыпали на сушу. Монах указал на стоящую близ моря башню.

– Турки вешали здесь монахов, которые не хотели принимать ислам. Пойдём, подойдём?

Новоиспечённые приятели направились к башне, но, не дойдя несколько метров до цели, Алексей вдруг остановился.

– Смотри!

Рядом с ними со стороны моря, зажатые камнями, лежали несколько купюр. Алексей поднял их:

– О, брат, да тут триста евро! Как их только морем не смыло!

Неудавшиеся воры молча постояли с минуту.

– Я что думаю, брат, – Алексей хлопнул послушника по плечу. – Мне этих денег на хороший отдых, как я планировал, всё равно не хватит, а ты... купи себе билет в Россию и возвращайся.

Тот посерьёзней.

– Знаешь, я думаю, это малодушие. Ну и что с того, что меня гоняют по всей горе, – разве Христос не призывал претерпевать лишения ради любви к Нему? Пожалуй, останусь ещё какое-то время на Афоне. Как гласит Писание – «претерпевший до конца спасётся». Буду, значит, терпеть, покуда греки меня не депортируют.

– Ну, тогда разделим пополам или бросим жребий: Европа – твоя взяла, Александр Великий – деньги мои.

Послушник заговорщицки посмотрел на Алексея.

– У меня есть другая идея.

– Выкладывай...

...Через три недели игумен Свято-Пантелеимонова монастыря получил бандероль без обратного адреса. В ней был на престольный мельхиоровый крест. Старец в сопровождении пономаря дошел до алтаря и положил подарок на престол. Прежний крест игумен повелел рыжебородому дьякону унести в ризницу, где теперь хранился и, чуть было не украденный, сверкающий золотом крест...

Этот анонимный подарок был для старца во много раз более значимым, чем дар архиепископа Мисаила. Он говорил о том, что ещё две мятущиеся души обрели веру, которая и есть настоящее золото для души.

Фотограф

Виктор был весьма хорошим фотографом. По крайней мере, он сам так считал. Он не окончил ни одного учебного заведения, в котором учат искусству фотографии, но, с юности отдавая этому делу всю свою энергию и всё своё время, спустя годы, он стал действительно настоящим профессионалом.

Больше всего Виктор любил снимать суровую, но сказочно красивую природу алтайского края, в котором он родился и вырос: пустынные горные пейзажи, величественные леса, снежирей на заиндевелых ветвях деревьев.

Но самым главным стремлением Виктора было запечатлеть на фотоснимке не просто красоту природы, но нечто особое, духовное. С самого детства, несмотря на воинствующий материализм эпохи, в которой он прожил большую часть своей жизни, Виктор верил, что существует другой мир, невидимый, духовный. И иногда, в какие-то мгновения, он может открывать себя людям. И эти мгновения нематериального можно запечатлеть на вполне материальном носителе – фотобумаге.

Виктор был убеждён, что в этом и заключается мастерство фотографа, вершина его мастерства.

Иногда ему казалось, что он достиг своей цели, и земная красота в его снимках начинала отражать красоту мира небесного. Тогда он мог часами смотреть на свои работы. Правда, его коллеги, в том числе и признанные мастера, глядя на снимки, не находили, что на них почил какой-то особый, духовный свет. Быть может, потому, что просто не верили в то, что подобный свет существует...

Когда в России произошел очередной политический перелом, и мир профессиональной фотографии захлестнул поток изображений полуголых девиц, Виктор осознал, что большинству людей нет дела до духовной и даже душевной красоты, – они предпочитают красоту плотскую. Фотограф так и не смог приспособиться к реалиям новой жизни, и стал находить утешение в чтении духовной литературы.

Так Виктор пришел к вере. И чем крепче становилась его вера, тем неодолимей его тянуло к идеалу христианской жизни – монашеству.

Постепенно, благодаря книгам, он стал понимать, что настоящая духовная красота открывает себя лишь чистому сердцу и духовное творчество должно начинаться с совершенствования собственной души. Он мечтал найти такое место, где опытные духовники помогли бы ему умертвить страсти – ведь только тогда он сможет заняться духовной фотографией. И Виктор стал молить об этом Бога...

Вскоре ему попался на глаза альбом о Святой горе Афон. Долго и жадно рассматривал он незатейливые, с точки зрения профессионала, черно-белые снимки, в изобилии разбросанные по тексту: старенькие облупленные жилища аскетов, морщинистые лица старцев в рамках, на мулах, с суковатыми посохами...

Особенно поразила его фотография, на которой два афонских монаха сидели за маленьким столом со стоящей на нём полупустой бутылкой узо [3] .

Монахи, как следовало из подписи, праздновали Пасху. В их глазах, на их сияющих лицах была та самая горная красота и духовная радость, свидетельствующая о подлинной сердечной чистоте.

Фотограф как замороженный глядел на снимки из альбома: ему стало казаться, что Святая гора и есть то самое место, где пересекается небесное и земное. И тогда Виктор принял решение уехать на Святую гору и остаться там до самой смерти.

Денег на то, чтобы попасть на Афон, у Виктора не было и ему пришлось продать оба своих профессиональных фотоаппарата. За них дали лишь половину того, что они стоили, но торговаться он не

стал: денег, чтобы добраться до Афона, теперь хватало...

Оказавшись на Святой горе, Виктор без промедления пошёл в русский Свято-Пантелеимонов монастырь и попросился у игумена в послушание. Настоятель выслушал его и сказал, что решение примет собор старцев.

Три дня, остававшиеся до собора, давали возможность Виктору насладиться афонскими пейзажами. Какие это были чудные виды! Зелёные, покрытые богатой растительностью скалы, по ночам заливаемые матовым светом желтовато-молочной луны. Море, простирающееся вокруг, на сколько хватало глаз – синее, воющее то с песчаным, то с каменистым берегом Афона. Пологая гора, на вершине которой даже из Пантелеимонова монастыря можно было видеть крест у храма Преображения, – она казалась Виктору в прямом смысле твердыней православия...

Монастырские старцы, вопреки ожиданиям Виктора, приняли решение отправить его обратно в Москву, на Афонское подворье, где все, взыскующие святогорского монашества, проходили первоначальный искуc. Но Виктор, будучи человеком упорным, ответил, что не собирается уходить из удела Матери Божьей. Старцы сочли его ответ дерзостью: если он не может исполнить своего первого послушания, то пусть даже не думает о монастыре.

Но они не учли, что проситель уже не мог думать ни о чём другом. Виктор поселился на берегу, соорудив шалаш из ветвей, и вскоре полицейские стали интересоваться у старцев, что это за бродяга поселился на монастырской земле, и не стоит ли его депортировать. Тогда игумен, хоть и сомневался в правильности такого решения, всё-таки принял Виктора на испытательный срок, предупредив, что если тот будет в чём-либо противоречить старцам или работать спустя рукава, то сразу же отправится в Москву.

Виктору дали непростое послушание подсобного рабочего на стройке, и он выполнял его с рвением, на какое только был способен, учитывая здоровье и возраст – ему было уже за пятьдесят.

Так прошло полгода; Виктор всё более и более смирялся, отношения его с игуменом и монастырскими старцами наладились. Но вот, однажды, привычно вглядываясь в вершину афонской горы, он почувствовал, как сердце его дрогнуло – совсем уже было погасшее желание заняться фотографией снова начало разгораться в его душе. С тех пор оно крепло с каждым прожитым часом и с каждым взглядом на прекрасный греческий закат, и, наконец, превратилось в навязчивый помысл, который Виктор, ради сохранения душевного мира, решил открыть на исповеди монастырскому духовнику:

– Отче, в миру я был фотографом; этому делу я отдавал всю свою душу. И сейчас мысль о том, чтобы вновь заняться фотографией не покидает меня. Я понимаю, что, став послушником, я обязан ради Христа отринуть всякую плотскую страсть. Только, вот, сам я не могу определить – страсть ли это или желание по Бозе. Как вы скажете, так и будет. Если благословите всё забыть, я постараюсь это сделать.

Духовник внимательно посмотрел в глаза своего послушника, почти одногодка, и немного подумав, ответил:

– Не стоит тебе пока думать об этом...

– Я понял, отче!

– Подожди, я не договорил. Нам в обители нужен свой, монастырский фотограф, поэтому, возможно, через какое-то время ты и сможешь использовать свой талант во славу Божию. Но теперь об этом не думай, а положишься на волю Господню.

...Со дня, в который состоялся этот разговор, давший Виктору надежду и успокоивший его душу, прошло около года. И вот однажды Виктор познакомился с паломником – бизнесменом из Германии русского происхождения. Узнав из бесед с Виктором о его мечте, бизнесмен предложил помощь в покупке

хорошего фотоаппарата.

Виктор попросил благословения духовника на принятие такого дара и, с превеликой радостью, получил его.

Через месяц из Германии пришла посылка, в которой лежал тщательно упакованный в пузыристый полиэтилен новенький полупрофессиональный фотоаппарат. Виктор отпросился у духовника по воскресеньям отлучаться из монастыря, чтобы запечатлеть пейзажи Святой горы в окрестностях обители. Духовник не стал ему препятствовать, лишь повторил, что это занятие не должно мешать ни работе, ни молитве и не становиться страстью.

Каждый раз, собираясь в поход, Виктор брал с собой большой термос с чаем, несколько банок консервов, хлеб и плоды шиповника и, конечно, подарок из Германии – цифровой фотоаппарат. Ни змеи, ни крутые спуски и подъёмы его маршрутов не пугали послушника – всё, чего ему хотелось, – это сделать удачный кадр.

Так прошло ещё два года.

За это время Виктор сделал несколько тысяч снимков, но так и не смог найти в них того, что ему хотелось больше всего – духовную красоту.

Однажды Виктор решил сделать снимки окрестностей Ксиропотама, ближайшего к Пантелеймону монастыря. Духовник посмотрел исподлобья на послушника:

– Виктор, ты же накануне много работал, наверняка очень устал, зачем же тебе Ксиропотам? Ну, и потом, ты же знаешь, что мы никуда не отпускаем насельников монастыря в течение трех лет? Среди нас есть монахи, которые уже двадцать лет в монастыре, и до сих пор не были на пике Афона, а ты и трёх лет здесь не провел. Не нужно тебе ходить так далеко, – Ваша правда, отче. – Виктор склонил голову. – Как благословите, так и будет. Но мне бы очень хотелось поснимать окрестности Ксиропотама.

Духовник внимательно посмотрел на Виктора, но в его взгляде не было осуждения.

– Хорошо, иди, если хочешь. К вечерне ведь вернёшься?

– Конечно! До Ксиропотама минут сорок пешком, сделаю несколько снимков и сразу вернусь. Думаю, должно здорово получиться.

– Ну, раз так, Бог тебя благословит.

Виктор взял благословение и стал собираться.

Ксиропотам был древним монастырём, основанный самим святым Павлом. В летописи этой обители имелись как славные страницы, так и позорные – это был тот самый монастырь, монахи которого приняли с хлебом-солью латинян. После этого чудесное дерево «губа», которое росло прямо в алтаре храма, и чьи плоды считались целебными, зачахло.

Сегодня Ксиропотам считался самым строгим монастырём Святой горы. Его насельники, в отличие от Дохиариу, Костамониту, да и самого Пантелеймона, работали немного и ели сколько хотели. Единственное условие, которое малочисленная братия (не более двадцати человек) соблюдала беспрекословно – не общаться ни с кем, кроме своих, монастырских. Да и внутри обители общение без крайней необходимости не приветствовалось. С родными же ксиропотамские монахи могли общаться лишь четыре раза в год по телефону.

Добравшись до Ксиропотама, Виктор обошёл монастырь, фотографируя по дороге всё, что казалось ему достойным быть увековеченным. Уже собираясь в обратный путь и оглядев напоследок окрестности – не упустил ли чего, фотограф приметил стоявшую невдалеке келью святого Никодима.

В этой келье, метрах в трёхстах выше Ксиропотама, жил святой старец-отшельник, отец Герасим. Виктор много слышал о нём – авторитет старца был велик на Афоне – и ему захотелось запечатлеть для будущих поколений святого человека.

Виктор задумался: благословение было дано дойти только до Ксиропотама. В раздумьях прошло несколько минут и, наконец, желание пересилило чувство долга – Виктор решил нарушить благословение. «В конце концов, какие-то триста метров – думал он, торопливо продвигаясь к келье. – Какая мелочь!» Через пять минут он уже стоял у двери.

Вытерев бегущий струйками по лицу пот, Виктор прочитал выученную им по-гречески «вратарную» молитву: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, помилуй нас» и постучался в келью. Дверь открыл послушник.

– Что вы хотите? – спросил он по-гречески.

– Геронда Герасимос! – ответил фотограф.

Вскоре Виктор уже сидел в маленьком уютном дворике и в ожидании старца ел ароматный лукум и пил кофе. Когда появился отец Герасим, Виктор подошёл к нему, взял благословение и, показывая на камеру, жестами попытался объяснить, что хотел бы сфотографировать старца.

Отец Герасим улыбнулся, что-то сказал своему послушнику, и тот кивнул фотографу, давая понять, что разрешение получено. Виктор быстро достал фотоаппарат из чехла и сделал с десяток снимков. Зачехляя камеру, он взглянул на часы – до вечерни оставалось тридцать минут!

С трудом подбирая греческие слова из своего скудного запаса, Виктор поблагодарил старца и попытался объяснить, что ему нужно срочно идти обратно, в Пантелеймон, иначе он нарушит благословение.

– Что? Благословение? – переспросил отец Герасим.

Старец посмотрел на русского послушника, махнул на него рукой и отпустил. Фотограф добирался до монастыря почти бегом.

На вечерню Виктор не успел. Когда он, наспех переодевшись, прибежал в храм, псалтосы уже пели «Свете тихий». Виктор подошел к духовнику, стоявшему в крайней стасидии у иконостаса, и принялся просить прощения за опоздание.

Духовник немного помолчал и затем спросил:

– Ну, что, много сегодня наснимал?

– Да, отче, много. Надеюсь, это будут отличные снимки!

...После трапезы он почти бегом добрался до своей кельи и, предвкушая радость от созерцания снимков старца Герасима, включил питание фотоаппарата. Он не мог поверить своим глазам! С дисплея камеры на него смотрел какой-то мрачный человек. Злобный невзрачный старик. Ни духа, ни огонька в глазах. Ни духовной красоты, ни даже плотской!..

На следующий день Виктор уныло побрёл на исповедь. Упавшим голосом он рассказал духовнику, что его вчерашний труд оказался насмарку.

– Ну разве я тебе не говорил: отдохни сегодня, – ответил тот. – В конце концов, ты, прежде всего, послушник нашего монастыря, а уж затем фотограф. Почему ты вчера решил настоять на своём?

– Понимаете, отче, я очень хочу показать людям духовную красоту! – послушник вдруг совсем поник. – И ещё, отче... Я вчера сделал фотографии отца Герасима из кельи святого Никодима. Без вашего

благословения.

Духовник нахмурился.

– И как снимки, Виктор?

– Ужасно, отче! Я не мог и предположить, что может получиться что-то подобное. Ведь я профессионал в этом деле.

Старец прищурился, отпустил Виктору грехи и сам благословил в следующее воскресенье опять пойти к отцу Герасиму и снова попросить сфотографировать его.

...И вот, через неделю Виктор снова оказался в келье святого Никодима. На этот раз ему открыл сам старец и ласково пригласил его во двор. У отца Герасима были гости, они сидели за бутылкой вина «Милопотамос», праздновали воскресный день. Виктор попросил хозяев и гостей разрешения сделать несколько снимков.

– Один! – благословил отец Герасим, подняв указательный палец вверх для большей убедительности.

Виктор, несмотря на наличие у камеры дисплея, прильнул по привычке к видоискателю, начал «прицеливаться», и тут его указательный палец дрогнул и нажал на спуск. Так получился один единственный снимок.

Затем его пригласили к столу, и Виктор, насколько ему позволяла послушническая совесть, присоединился к празднеству.

Вернувшись в свою келью, он, вздохнув, включил камеру и взглянул на этот единственный благословлённый снимок...

Лица отца Герасима и его гостей сияли такой же духовной радостью, как на той, сыгравшей в его судьбе столь большую роль, чёрно-белой фотографии из альбома об Афоне. Эту духовную реальность, так трудноуловимую, ему удалось, наконец, запечатлеть. И запечатлеть не с помощью профессиональных секретов, а лишь благодаря исполненному послушанию!

И с этого дня Виктор стал прежде всего послушником, и лишь потом фотографом, настоящим мастером своего дела.

Ангел-хранитель

Однажды вечером, когда светлячки только начали украшать Святую афонскую гору, усыпая её своими огоньками, а древнее море принялось усыплять землю колыбельными спокойных волн, старый монах русского Пантелеимонова монастыря Афанасий почувствовал сильный укол в сердце.

Нет, скорее не укол, а будто удар шилом, нанесённый разгневанным демоном.

Это произошло после повечерия, когда отец Афанасий предстоял на келейной молитве. Его частным правилом было исполнение восьми чёток, которые он, как мантийный монах, вычитывал каждый день кроме пасхальной седмицы. Несмотря на то, что духовник обязывал всех выполнять правило утром, отцу Афанасию, которому по причине слабого здоровья было трудно вставать на канон так рано, он благословил молиться после повечерья.

Утро монаха могло начаться и глубокой ночью. Двенадцать часов пополуночи византийского времени – это время захода солнца. С последними его лучами и начиналось повечерье. По его окончании, утруждённые дневными заботами монахи расходились по кельям. Вставать же на келейный канон нужно было за два часа до утрени, а к ней звонили уже в семь утра. Итого на сон монаху отводилось каких-то четыре часа.

Афанасий уже с трудом выдерживал такой ритм, а после того, как его удалили с клироса, он и вовсе раскис.

Этим вечером монах успел вычитать только две чётки перед тем, как ему стало плохо. Афанасий осторожно опустился на кровать. Во рту он ощущал привкус железа. У него не было сил даже на то, чтоб позвать на помощь, и монах лишь тихонько стонал. Последнее, о чём он подумал прежде, чем потерять сознание, была не прекращённая вражда с регентом правого клироса отцом Василием. Вражда, которая словно острым ножом отсекала его от милости Божьей.

Этот, недавно приехавший из Москвы молодой иеромонах – один из лучших специалистов по знаменному пению, добился того, чтобы Афанасия удалили из хора. Старый монах пробыл на этом послушании не один десяток лет и уже не мог молиться вне клироса, не мог просто сидеть и дремать в стасидии, как это делали другие монахи. Поэтому старцы, жалея Афанасия, ещё терпели его на клиросе, поставив вторым регентом.

Но старый монах терпеть не собирался.

Отцу Афанасию очень нравился весёлый киевский распев, столь любимый оптинскими старцами. Но молодой Василий с презрением отзывался об этом распеве. Через полгода своего пребывания в монастыре он отменил партесное пение, – любимых Афанасием Бортнянского, Архангельского и Веделя, объяснив своё решение тем, что пение это – не монашеское и, дескать, только мешает молитве, а не помогает ей. Афанасий начал роптать, мол, что этот юный иеромонах может понимать в молитве? Он сам уже тридцать пять лет на клиросе и эти старые добрые песнопения нисколько не мешали ни ему самому, ни другим монахам молиться.

Но Василий, начитавшись каких-то книг, начал рьяно внедрять знаменное пение, говоря, что оно «производит на молящихся большой суггестивный эффект». «Во всех греческих монастырях, – наставлял он, – сохранилось древнее византийское унисонное пение, а ваше, партесное – это влияние западной католической культуры, которое отвергается духом самого Афона». Не то чтобы отец Афанасий был против знаменного пения, нет. В монастыре и во времена его регентства часто пели знаменные Догматики, но чтобы знаменем петь всю службу – это было уже слишком. Василий дошел до того, что стал отвергать

общепризнанные гармонизации древних русских напевов великих церковных композиторов: Чеснокова, Кастальского и Архангельского. А уж весёлый киевский распев вообще на дух не переносил, считая его «рассадником прелести». «Оттого Афанасий, – говорил он, – так свирепо и противится моему желанию ввести знаменный распев, что сам в тонкой прелести из-за закоснения в «прелестном» партесном пении».

Между старым и молодым регентами завязалась ожесточённая борьба, которая закончилась победой отца Василия.

Игумен не вмешивался в эту борьбу, выдерживая нейтралитет. Однажды, в самый разгар борьбы, отец Афанасий пришёл к игумену с ультиматумом: если Василий посмеет всё заменить знаменным пением, он покинет клирос. Ультиматумов в монастыре не любят, и игумен благословил отца Афанасия молиться в храме, добавив, что незаменимых людей в монастыре не бывает.

После того случая старый монах совсем раскис. Он даже смотреть перестал в сторону молодого, не в меру ретивого регента, и сейчас, перед лицом возможной кончины, этот факт будоражил его совесть.

Читатель может удивиться, мол, в книгах о монашестве всё по-другому, – как монахи могут спорить о таких малозначащих, второстепенных предметах, они должны лишь смиряться и молиться! Но ведь именно из этих «второстепенностей» и состоит жизнь монаха и уж хотя бы потому их никак нельзя назвать малозначащими. Иные противоречия здесь длятся десятилетиями, то затухая, то вспыхивая вновь.

Отец Василий не скрывал радости по поводу своей победы. «Ничего, – говорил он, – старик скоро привыкнет дремать в стасидии и ему только легче станет жить».

Но отец Афанасий так не считал. На службе он только и делал, что думал о пении, подмечал недостатки своего приёмника, ёрничал и потому совершенно не мог молиться. Это так измучило старика, что превратило его жизнь в сущий ад.

Сейчас, когда острый сердечный приступ мог оказаться смертельным для старого монаха, эта ссора и её последствия также могли стать роковыми для души отца Афанасия. Ведь ему придётся проходить воздушные мытарства.

Монах, держась за сердце, опустил голову на подушку и попытался не закрывать глаза, которые уже не видели ничего, кроме мутного света восковой свечи.

Он призвал своего ангела-хранителя и потерял сознание.

Очнулся Афанасий в кромешной темноте. «Наверное, свеча совсем догорела, пока я был в обмороке», – подумал он. И тут в келье раздался тихий голос:

– Хорошо, что ты позвал меня, отец Афанасий, перед тем, как твоё сердце остановилось.

Монах вздрогнул.

– Кто здесь?

– Твой ангел-хранитель. Я пытался тебя образумить, но, увы, тщетно, и твоя вражда с Василием отогнала меня. Сейчас ты почувствовал раскаяние, и я, слава Творцу Светов, смог приблизиться к твоей душе, но не знаю, смогу ли я помочь тебе на воздушных мытарствах.

– Выходит, я умру?

– Да. И, возможно, прямо сейчас.

– Господи, помилуй! Что же мне делать?

– Только молиться. Будем вместе просить Бога о милости к твоей душе.

При этих словах отца Афанасия охватил ужас. Почему он на старости лет позволил злобе овладеть

сердцем? Ведь злоба, как и любой грех, берёт своё начало в преисподней, где вскоре может оказаться и его душа.

Ангел-хранитель продолжал:

– Молодой Василий ещё имеет право на ошибку. Но ты столько лет провёл в монастыре – где же твоя духовная зрелость? Может быть, это я плохо наставлял тебя? Ведь ты показал страсти, которыми болеет и не каждый новоначальный. Если бы ты знал, как я скорблю о твоей душе, отец Афанасий!

– Что же мне делать?! – снова спросил монах.

– Только молиться, – повторил ангел. – Будем вместе просить Бога о милости к твоей душе.

Наступила тишина. Афанасий прислушался, но как ни старался, стука своего сердца услышать не смог. Липкая, густая волна страха накрыла его. Всё!

Вдруг ангел-хранитель снова заговорил:

– Господь милостив к нам! Он даёт тебе ещё один день. Этого достаточно, чтобы угасить вражду и умереть с чистой совестью. Стяжи дух мирен. Продолжай молитву... Бог даст, встретимся завтра.

Афанасий очнулся и долго не мог прийти в себя. Наконец, он привстал и зажег свечу. Привычный свет озарил келью всё было как прежде – лампадки, иконы, книги святых отцов, деревянный аналой с лежащим на нём раскрытым Евангелием. Молодой послушник Симеон уже шёл по коридору с колокольчиком и будил монахов на келейный канон:

– Бдению время и молитве час, Господи Иисусе Христе, помилуй нас!

Дзинь! Дзинь!

Было пять часов по византийскому времени. Старый монах заново начал правило, не чувствуя усталости. Выполнив положенные чётки, он прилёг на несколько минут перед утреней, размышляя, когда ему лучше подойти к отцу Василию и попросить прощения за свою злобу. «А прямо во время полунощницы, – решил Афанасий. – После того как братья споют „Се жених грядет в полунощи“».

Так он и сделал. Пройдя на тёмный клирос, где в стасидиях стояли сонные певчие, монах положил перед регентом земной поклон.

– Прости меня, старика, отец Василий! Я так злобствовал против тебя!

Иеромонах вздрогнул от неожиданности и, если бы не темнота на клиросе, можно было бы заметить, как гримаса раздражения исказила его лицо. Он всплеснул руками и демонстративно громко ответил смиренно лежащему в поклоне седобородому регенту:

– Вам не удастся вернуться обратно на клирос, не старайтесь. Игумен сказал, что вы уже в отставке, так что...

Если бы не ночное искушение и знание того, что жить ему осталось всего сутки, старый регент почувствовал бы всю унижительность своего положения.

– Да не я хочу обратно на клирос, Василий! – Он встал на колени. – Мне нужно только примириться с тобой.

– Примириться? – Отец Василий включил свет и открыл клиросный шкафчик, где лежали ноты старого Афанасия, многие из которых он переписывал вручную. Регент достал пачку нот и протянул монаху. – Вставайте, Афанасий, забирайте это... и больше чтобы я вас на клиросе не видел. Надеюсь, вы сможете смириться с благословением игумена. Да вставайте же вы, наконец!

Отец Афанасий, стараясь не обращать внимания на изумлённых происходящим певчих, продолжил

смиренно умолять иеромонаха.

– Василий, я всё понимаю, ты только прости меня.

Но молодой священник впал в какое-то помрачение, и чем больше Афанасий унижался, тем больше ожесточался регент.

– Послушайте, вы мне портили нервы всё это время, а теперь хотите, чтобы я вас вот так, с кондачка, простил? – Он усмехнулся. – Сколько вы выпили моей крови, один Господь знает!

Старик был на грани отчаяния.

– Василий, я, окаянный, сегодня умру, и если ты мне не простишь моё окаянство, я могу попасть в ад.

– В ад? – Василий весело посмотрел на певцов. – Да вы ещё всех нас переживёте! Всё, идите, отец Афанасий, в стасидию, молитесь Богу. Если вы сегодня умрёте, то я сейчас потеряю дар речи. Умрёт он, напугал!

Хотя большинство певчих и были на стороне молодого регента, но его дерзость пришлась им не по душе. Один из певцов, первый тенор отец Зенон, сказал регенту:

– Прости его, отец, зачем издеваешься? А если он и вправду умрёт?

– Да не умрёт он! – Отец Василий говорил, всё больше раздражаясь. – Идите, Афанасий, всё. Если собрались умирать, то умирайте, но не искушайте меня, – не видите, я служу? Скоро нам петь ектенью, всё уже, уходите! – Он махнул рукой на старика и злобно уткнулся в знаменные сборники.

Отец Афанасий, держа в руках свои ноты, встал и вернулся в стасидию. Там он стал горячо молиться, чтобы небесные силы прекратили эту демоническую вражду.

До вечера он сделал ещё несколько попыток подойти к молодому регенту, но тот, вконец разозлившись на надоедливую старика, пошёл к игумену жаловаться на Афанасия. А тот выбранил старого монаха, запретив ему впредь искушать отца Василия.

Вечером отец Афанасий исповедался и стал готовиться к отходу в вечность. Памятуя древний аскетический закон, старый монах не терял надежды, но мысль о том, что ему, видимо, не избежать преисподней, не давала покоя.

После повечерья он вновь встал на молитву, слушая, как шумит за окном Эгейское море, ставшее русскому монаху родным. И вновь его сердце сжалось от укола. Вновь липкий страх, тьма и предчувствие неминуемой смерти. И вновь отец Афанасий позвал своего ангела-хранителя.

– Я здесь, отец Афанасий. Здесь, рядом с тобой. Не смог ты угасить вражду?

– Не дал Бог! Окаянен я! – Если бы старый монах мог, он бы разрыдался. – Теперь надеюсь только на милость Божию.

– И правильно делаешь, отец Афанасий. Только рано тебе умирать.

– Как? Ты же сказал...

– У тебя есть ещё послушание. У отца Василия внезапно отнялась речь и тебе придётся его заменить. А насчёт вражды, – знай: Господь принял твоё покаяние. Кто искренне просит у брата прощения, всегда получает его от Бога, даже если сам брат ожесточается и гонит просителя.

– Милостивый Господь!

– А теперь – молись! Никто, кроме Бога, не знает число твоих дней. А я буду всегда рядом с тобой, если не отгонишь меня своим нерадением, грехами или нечистыми помыслами. Будем молиться вместе.

Афанасий очнулся, привстал и зажёл свечу. Её оранжевое трепещущее пламя освятило келью. И, хотя всё было как прежде – лампадки, иконы, книги святых отцов и деревянный аналой с лежащим на нём раскрытым Евангелием, но Афанасию показалось, будто со всех вещей этого мира кто-то вытер пыль.

Молодой послушник Симеон ходил по коридору с колокольчиком и будил монахов на келейный канон:

– Бдению время и молитве час, Господи Иисусе Христе, помилуй нас!

Дзинь! Дзинь!

Отец Афанасий сделал положенное число чётков, немного отдохнул и пошёл в храм. Эту неделю служили в Покровском соборе. Как только он встал в свою стасидию рядом с иконой преподобного Сергия, к нему подбежал благочинный и передал благословение игумена вновь принять регентство на правом клиросе, потому что у молодого отца Василия каким-то чудом или бесовским наваждением отнялась речь.

Отец Афанасий вернулся в регентскую стасидию, стараясь не обращать внимания на восхищённые взгляды певчих, ставших свидетелями и его мужественного монашеского поступка, и явного заступничества Божия.

Пришёл на клирос и сокрушённый отец Василий. Он упал на колени перед отцом Афанасием, но монах поднял молодого регента и ласково посмотрел ему в глаза.

– У тебя, отче, есть ещё право на ошибку, а у меня его больше нет. Становись рядом, будем молиться, чтобы Матерь Божья вернула тебе твой прекрасный голос.

Чтец зычным голосом прочитал Трисвятое по Отче наш и отец Афанасий задал тон.

«Се жених грядет в полунощи и блажен раб его же обрящет бдяща» – полился по большому Покровскому собору киевским распевом тропарь полунощницы.

Ещё одно монастырское противоречие было благополучно разрешено.

Монахи дремали в стасидиях и слушали пение. Только дьявол не дремал, пуская в подвижников раскалённые стрелы, разжигающие похотения и страсти.

Невидимая брань продолжалась.

Духовники

Разговаривать, признаюсь вам, я крайне не люблю. Но года два назад моя жизнь превратилась в постоянные духовные разговоры, и исихию разнесло по ветру как горсть райской листвы. Я простой схимник с небольшой кельей и двумя спокойными послушниками, ищущими исихии в Агия Анне. Будущего, как я ни силился, увидеть не могу; в тонких душевных движениях, впрочем, как и в «толстых», всегда был профаном. Не прозорливый, не рассудительный. Но люди идут и идут ко мне, как к духоносному старцу – монахи, послушники, миряне со своими житейскими проблемами.

Даже моя посредственность кажется посетителям признаком нелицемерного смирения. Может быть, их привлекает моя незлобивость, но ведь и это следствие не моей «духоносности», а, скорее, моего флегматического темперамента.

А обрушилась на меня эта напасть после того, как я был назначен духовником-советником.

Конечно, «назначен» – слово не совсем верно отражающее действительность. Но те, кто знает, могут подтвердить: духовное благословение будет посильней любого мирского назначения.

А всё старец Иосиф, мой духовный брат!

Он был самым способным, в отличие от меня, и любимым учеником нашего приснопамятного геронты Неофита. С годами он стал почитаемым святогорским старцем и теперь к нему, в домик под кипарисами, выстраивается очередь.

Ну, а я так и жил бы в безвестности и исихии, если бы старый друг не решил найти мне применение в системе окормления афонских монахов и не вытащил меня на свет Божий. И теперь я – духовник-советник. Такие послушания, в общем-то, неофициальны и, по сути, являются только выражением монашеского доверия. Но доверие ко мне и мой авторитет выросли не благодаря моим заслугам, а благодаря словам старца Иосифа. Только его словам. Я надеюсь на мудрость своего друга, на то, что он знает, что делает, но посетители очень уж меня тяготят!

Что вам сказать о моем послушании? Большинство монашествующих приходят ко мне с бранью на своих старцев. Я с грустью выслушиваю их, затем говорю, что это лишь дьявольское искушение и отпускаю гостей с миром. А они, облегчив души, благодарят меня за мудрость.

Выходит, старый Иосиф поставил меня своеобразным амортизатором между старцами и послушниками. Это, конечно, мудро, – ведь брань послушников, таким образом, действительно утихает, но... Моя прежняя исихия безвозвратно утеряна, да и время молитве приходится выкраивать у сна, и мое здоровье – дар Божий – постепенно подрывается.

Один раз, на панигире в Ватопеде я попытался как можно тактичней сказать Иосифу о своём недовольстве и попросить, так сказать, отставку. Но Иосиф строго посмотрел на меня и сказал:

– Так надо Церкви, Гавриил. – И продолжил свою молитву, показывая, что разговор окончен.

А перед моим уходом добавил:

– Так надо Афону. Богородица да пребудет с тобой.

Если бы он спросил меня, хочу ли я этого, смогу ли взять эту ношу! Рекомендовать меня всем как духовника-советника, даже не посоветовавшись со своим старым товарищем, – это было обидно. К тому же, мы с ним духовные братья и, хотя Иосиф духовно одарённой меня, я всё-таки старше его годами!

Ну вот, кажется, я и сам, как мои посетители, стал роптать на своего доброго старца. Послушание

духовника-советника требует совершенно особого отношения к своим поступкам, действиям и мыслям. Теперь я лишний раз подумаю, прежде чем косо на кого-нибудь взглянуть. А уж сказать грубое или оскорбительное слово – не приведи Господь!

Недавно ко мне в келью пришел геронта Ефрем – ещё один мой духовный брат. Я слушал Ефрема битый час. О том, как он всю жизнь хотел идти путем Арсения Великого. Как когда-то стремился из монастыря в скит. Как в скиту он нашёл самую отдалённую келью, где прожил один безо всяких послушников лет десять. Как потом собрал небольшое братство единомышленников. И вот – незадача. К нему, по совету нашего старшего друга и брата Иосифа, стали ходить люди, нарушая его молитву и исихию. Он терпел, сколько мог, но теперь решил поговорить со мной:

– Я уважаю отца Иосифа, но мне кажется, что он нам лишь старший товарищ, а не старец, перед которым мы должны отсекаать волю. Я недавно ходил к нему и просил перестать посылать ко мне людей или я начну их просто выгонять с бранью. Он же в ответ осмелился грозить мне гневом Божьей Матери, как будто он ближайший к Ней послушник.

Поставив кофе на огонь, я ответил Ефрему:

– Послушай, брат, ты ведь как бывалый монах знаешь, что такие помыслы против старца бывают только от лукавого.

– Лукавого? – переспросил Ефрем недовольно. – После смерти моего келейного старца и приснопоминаемого отца Неофита, перед которым я отсекал свою волю, я сам стал руководить небольшим братством и имею право управлять кельей с помощью Божьей и руководствуясь своим духовным опытом. Ты знаешь, что я принял устав отца Неофита, в котором делается упор на всенощной молитве и безмолвии, правда, с небольшими отступлениями. Быть может, Иосиф считает, что я неумело управляю кельей? Но это мы узнаем на Страшном Суде! А по всем святогорским правилам, старец кельи – я, и Иосиф, как бы он не был хорош, замахнулся не по чину.

Я тяжело вздохнул и покачал головой.

– Зря ты пришел ко мне, Ефрем! Ведь у меня та же самая проблема. Я, как и ты, лишён вожденной исихии: Иосиф посылает и ко мне монахов за советом. Ну и что нам теперь делать? Мы же с тобой монахи и, даже будучи сами старцами, мы должны проверять свои поступки, советуясь с духовными людьми.

Ефрем побагровел – он холерик и ему трудно мириться с моим флегматизмом. Отхлебнув кофе, который я поставил перед ним, он сказал:

– А ты думаешь, Гавриил, для чего я пришёл? Я же вижу, что ты, при всей мягкости своей натуры, тоже тяготишься посетителями. Мы, в конце концов, не по лени не хотим окормлять посетителей, а по ревности к молитве. И у этой ревности есть свои права. Я думаю, – решительно продолжил он, – мы должны сходить к Иосифу вдвоём. Думаю, это лучше, чем держать недовольство в своём сердце. Кстати, а сам Иосиф, после того как старец упокоился, окормляется у кого-нибудь?

– Ну, конечно! Он же исповедовался у отца Паисия.

– Отец Гавриил, ты что, забыл? Паисий и сам уже два года как в селениях праведных.

Я был в недоумении – и в самом деле, у кого он сейчас окормляется? Ефрем, увидев мою растерянность, большим глотком допил кофе и продолжил.

– Мы должны пойти к нему и спросить об этом. Ведь если он руководствуется только своим разумом, это ведь не совсем правильно по святым отцам, верно?

– Может быть, Сама Матерь Божья безо всяких посредников открывает ему, как следует поступать?

– Тем более он должен сверять свои откровения с духовными людьми. Ведь руководствоваться откровениями ещё опасней, чем полагаться на собственный разум.

В конце концов, мы договорились вдвоём посетить Иосифа. Затем мы совместно прочитали монашеское правило и Ефрем, тепло попрощавшись со мной, оседлал мула и направился к своей келье...

...Через неделю мы с Ефремом, за два часа до вечерни, были у Иосифа. Он принял нас очень радушно, и мы проговорили почти час, вспоминая старые добрые послушнические времена. Наконец, Ефрем перешёл к сути дела.

– Отец Иосиф, мы знаем друг друга уже не десять лет и даже не тридцать. Нас взрастил один отец, и мы, как добрые младшие братья, признаем твоё первенство среди нас. Но скажем правду: нам не нравится твоё решение.

– Какое?

– Нам не нравится приток посетителей, идущих к нам по твоему благословию за советом.

– Что же в этом плохого?

– Иосиф! – Ефрем поднял руку, показывая, что хотел бы договорить. – После того, как наш приснопамятный старец Неофит упокоился, наши пути несколько разошлись, хотя сердца наши навсегда сплавлены вместе. Матерь Божья вверила мне, недостойному, небольшое стадо, которое я должен пасти, а отец Гавриил был Ею управлен в отшельническое житие. Тебе же, не побоюсь громких слов, был в какой-то мере вверен весь Афон. Так вот, ответь нам, как старший брат, отец Иосиф, у кого ты сейчас окормляешься и окормляешься ли вообще? Прости за такую постановку вопроса, но мы должны знать ответ.

Геронта Иосиф немного смутился.

– Да, конечно, есть старец, к помощи которого я прибегаю в сложных вопросах.

– Можешь назвать имя?

Иосиф улыбнулся.

– Простите, друзья, но старец хочет оставаться неизвестным для мира.

– Как и мы, Иосиф!

Отец Иосиф хотел было что-то сказать в ответ, но последние слова Ефрема заставили его осечься. Ефрем же продолжил.

– Пойми нас правильно, монахи приносят с собой свои дразги, нарушают нашу исихию. Мы понимаем, что на горе должны быть духовники-советники, к кому монах может принести свою боль, которую боится высказать духовнику или игумену. Мы это понимаем. Но и ты пойми нас, Господь даровал нам отшельнический чин, и ничьи поиски блага не должны отвлекать нас от Самого Источника блага. Поэтому мы готовы принять твоё решение, но мы должны точно знать, что ты не перешёл свой предел и действуешь в согласии с волей Божьей. Нам не нужны какие-то доказательства, достаточно твоего слова. Только слова, Иосиф, а не отговорки, которыми ты нас кормил до сих пор. Прости меня, друг!

Иосиф закрыл глаза. Было понятно, что он молится, призывая Святой Дух всё упорядочить к общему благу. Наконец он ответил:

– Друзья, я думаю, что в ваших словах есть законная претензия. Действительно, моё решение лишает вас желанной исихии. Принимая его, я руководствовался словами Спасителя о том, что не может светильник быть укрытым от людей. Вы знаете, какой трудный период переживает сейчас Церковь и как мало толковых пастырей, способных пасти разрозненное стадо. Но, переживая за паству, я, возможно, и

позабыл, какой именно устав и чин вы храните. Не хотелось бы мне выступить в роли второго Варлаама, враждующего против священно-безмолвствующих. Поэтому я должен посоветоваться со своим старцем. Но я не могу вам дать ответ сейчас, подождёте недельку, хорошо?

Мы с Ефремом согласились, и завершили нашу встречу панихидой по усопшему старцу Неофиту. Вечная память ему!

В келью я возвращался, сердцем чувствуя, что это противоречие разрешится. Слава Всемогущему Богу! Огоньки первых звезд возвещали возвращение возжеленной исихии...

* * *

...После ухода друзей геронта Иосиф почувствовал тяжесть в душе. Действительно, не перешёл ли он свой предел, вмешиваясь в жизнь достойных подвижников? Получил ли он от Бога такое право и не стал ли подобен самозванцу?

Вечером, не откладывая разрешения этого дела, он подозвал своего келейника, посвященного в тайную святую жизнь старца Нила, – духовника отца Иосифа – и велел ему седлать мула. Перед смертью отец Неофит, подобно библейскому Иакову, позвал к себе духовных чад и назвал Иосифу имена двух людей, у которых он может исповедоваться и с которыми должен советоваться во всех затруднительных случаях. Один из этих духовников уже умер, к другому же, отцу Нилу, и направлялся сейчас Иосиф, чтобы разрешить свое недоумение. Отец Нил был загадкой для большинства святогорцев. Многие монахи считали, что он в глубокой прелести, и сторонились его. Но Нил и не пытался изменить такого настороженного отношения к нему.

Поначалу отец Нил не открывал себя Иосифу, но через какое-то время геронта понял, что этот старый монах – великий молитвенник за мир и, несомненно, обладает даром рассуждения...

Отец Нил принял его как всегда холодно, словно в противовес тому почитанию, которое всегда окружало Иосифа. Посетитель сделал глоток давно остывшего кофе, и тщетно попытавшись закусить окаменевшим от времени лукумом, рассказал старцу о своей проблеме.

Отец Нил улыбнулся:

– Уже стемнело, твой послушник рискует сломать ноги, ведя твоего мула под уздцы. Ехал бы ты домой!

– Ну, а как же мне быть со старцами-духовниками?

– А никак, оставь своих друзей спокойно молиться. Чего ты их беспокоишь? Пусть монастыри сами решают свои проблемы и не беспокоят отшельников, которые к этим проблемам никакого отношения не имеют.

– Но ведь я хотел помочь уменьшить брань.

– Помогай, кто тебе запрещает, но причём здесь твои друзья?

Иосиф почувствовал, что его разум словно очнулся от дрёмы.

– В общем-то, не причём, геронта. Наверное, я превысил свои полномочия.

– Ничего, Бог любит тебя и поправляет, когда ты переступаешь свой предел. – Геронта Нил стал выпроваживать отца Иосифа из кельи. – Быстрее езжай, пока луна не зашла за тучу, а мне уже пора молиться.

Отец Иосиф вышел из кельи, где его ждал накормленный и готовый к обратному путешествию мул –

послушник держал его за уздцы. Отец Иосиф вдруг остановился и обернулся к старцу.

– Геронта, я давно хотел вас спросить, а у кого вы сами окормляетесь?

Старец улыбнулся.

– А что, у тебя со мной возникла какая-то проблема?

– Да нет, отец Нил, что вы.

– Вот когда появятся, тогда я и отвечу на твой вопрос.

Отец Нил попрощался и закрыл дверь, а Иосиф, довольный тем, что разрешились все его недоумения, поехал в свой домик под кипарисами. Восседая на спокойном, медлительном муле, отец Иосиф размышлял о том, как же так случилось, что он, при всём его опыте, так долго не понимал очевидного. Слава Матери Божьей, которая смиряет разум и наставляет в сложном монашеском пути...

Сиромахи

Я, положив руку на сердце, могу сказать, что отношение местного населения к нам, болгарам, на Святой горе иначе как дискриминацией не назовёшь. И в самом деле, из всех иностранных рабочих, что встретились мне на Святой горе за семь лет моего пребывания здесь, лишь двое были болгарами: я и ещё один каменщик из Дуран-кулака. Да и тот выдавал себя за македонца.

Хорошее же отношение у этих эллинов к ближайшим соседям! Албанцев на Афоне очень много (хотя многие из них исповедуют ислам), молдаван и румын – полно. Много украинцев. Русских рабочих мало, зато среди сиромых они занимают хоть и не первое, но почетное место. Надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать – грузин-рабочих на Святой горе много, но я до сих пор не видел ни одного грузина сиромых.

В общем, туговато болгарам приходится. Вон, сербов и македонцев на работу принимают с легкостью... Помню, пару лет назад работал я в одном скиту помощником садовода. Его начальник – настоящий «породистый» эллин – однажды спросил у механизатора албанца, состроив презрительную мину: «Где этот болгарин?» На многих языках это слово звучит одинаково неприятно – вулгарос. Он не знал, что я стою совсем рядом, опыляя соседнее дерево, и всё слышу и вижу. Мне, честно говоря, это было неприятно. До того неприятно, что я сам оставил эту работу. Вулгарос!

Я думаю, что со времён болгарской оккупации Македонии и Халкидики во многих грехах течёт славянская кровь. И чтобы отмежеваться от собственного славянства, они так недружелюбно относятся к болгарам. Русские – народ большой и сильный, сербы – герои, борцы с новым мировым порядком, а нам, никчемным, с их точки зрения, людям, приходится отдуваться в Греции за всех славян.

Да и другие славяне не слишком нас, болгар, жалуют. Русские считают, что мы их предали после того, как царь Александр освободил нас от турков. Но как объяснить свободному могущественному народу, а тем более их политикам, что после пятисот лет рабства мы тоже хотим своей маленькой независимости? И нам гораздо милее наша маленькая Болгария, чем огромная панславянская империя.

Сербы никак не могут простить нам две балканских войны.

Македонцы – сами болгары, но никак не хотят признать этот факт. Сербы считают, что македонцы – это сербы, попавшие под влияние болгар. Греки считают македонцев греками, попавшими под влияние славян. Мы уверены, что они болгары, попавшие под влияние сербов. Но если мы спросим самих македонцев, как вы думаете, что они нам ответят? В общем – все хотят своей маленькой свободы.

Пока меня мало знали на Святой горе, я, хорошо владея английским, представлялся монастырским архондаричным странствующим американцем. (Греческие архондаричные больше всего любят проповедовать именно им.) Выглядело это приблизительно так.

– Откуда вы, благословенный?

– Соединенные Штаты, Сан-Франциско, штат Калифорния.

– О! У нас там... то есть, у вас... наша, греческая диаспора, третья по влиятельности после еврейской и армянской. И как, процветает у вас святая православная вера?

– Процветает, как и все другие. В нашей стране ни одна вера не преобладает над другой, – таковы плоды истинной демократии.

– О!

– Подумайте, в нашем штате к власти пришел Арни, германский эмигрант. В какой стране возможно такое? Мы, в Калифорнии, верим, что когда-нибудь наш Арни станет президентом.

– Вот только вы не забывайте, что родиной вашей великой демократии является наша Греция!

– Я и не забываю, мистер монах, поэтому я и здесь.

Да... Но Афон – страна маленькая и скоро все узнали, что я – болгарин. Какое-то время я ещё пытался выдавать себя за американца болгарского происхождения, но вскоре и эта версия с треском провалилась, и отношение ко мне сразу поменялось: вулгарос есть вулгарос. Теперь меня встречают, примерно, так «Опять этот Лала объявился!»

Сегодня мне, видимо, придётся ночевать в вагончике, который стоит метрах в ста от дороги Дафни-Карьес. Я часто там ночую, если меня не пускают в монастыри. В Пантелеймоне, где я сегодня попросился на ночлег, оказалось, видите ли, много народу, хотя их огромный архондарик может вместить маленькую армию. В Ксиропотаме, куда я затем побрёл, архондаричный Савва напомнил мне, что я уже посещал их монастырь три недели назад и посоветовал прийти через неделю. Что ж, я не особенно переживал по поводу этих неудач, ведь неподалёку всегда есть пристанище для меня – пустующий вагончик садоводов.

Добравшись до него, я достал из сумки газак [4] и вскипятил кружку чаю.

Но тут моё спокойствие было нарушено, – пришёл русский сиромаша Евгений, который с порога нагло заявил мне:

– Лала, ты должен уйти!

– Никуда я не пойду! – ответил я по-русски, который тоже неплохо знаю.

Евгений, тем временем, поставил свой грязный рюкзак на единственную койку.

– Ну, во-первых, Святая гора только для подвижников, таких, как я, а не для праздношатающихся бродяг, как ты, поэтому, как послушник Матери Божьей, я имею первенство в своих правах на этот вагончик.

Я возмутился:

– Ну, во-первых, Евгений, вагончик садоводов – ничейный, и я, между прочим, занял его первым и, по всем сиромашечьим правилам, я могу остаться здесь на ночлег.

– Если ты был бы сиромаша, Лала, тогда бы ты мог предъявлять претензии на вагон. Ну, а раз ты просто проходимец, я считаю – наш конфликт исчерпан.

Евгений сел на койку и стал снимать сапоги и портянки, распространяя вокруг соответствующие запахи. Я разозлился: что этот русский о себе возомнил?

– Это почему же – проходимец? А ты не проходимец?

– Я?! – Евгений вскочил и встал в угрожающую позу. – Лучше бы ты этого не говорил! Ты даже не православный! Давай-ка, иди отсюда, это моё законное место, я устал и хочу спать.

– Что значит – не православный? Это я не православный? Да это как раз я – настоящий подвижник. У меня нет своего дома, потому что мне пришлось его продать, чтобы не умереть с голоду, когда в Болгарии была нищета. Я бездомный, но не опускаюсь, слежу за собой... Наконец, не пью раки, как некоторые. – Я заметил, как при этих словах Евгений покраснел. – Работаю, пока греки меня терпят, к тому же не запускаю своё здоровье – занимаюсь спортом, да и духовно развиваюсь.

– Ах, духовно развиваешься? – Евгений снова сел на койку и радостно потёр руки. – Давай тогда заключим с тобой договор: если ответишь на самый простой с точки зрения веры вопрос, я уступлю тебе место, если – нет, тебе придётся уйти. Ну что, согласен? По-моему, честно. Если ты православный, как утверждаешь, то легко ответишь на него.

Я растерянно посмотрел на хитрую физиономию сиромахи...

– Послушай, я православный, но не знаток православия.

– Не знаток? – Евгений, уперев руки в бока и обдавая запахом узо, надвинулся на меня. – А кто говорил, что образованный, что знает четыре языка?

– Пять!

– Тем более! Чего ты боишься?

– Одно дело знать языки, математику, там, биологию, но я же мирской человек, а не монах, который только об этом и думает. Я не могу знать всё!

– Хорошо! – Евгений стал в нетерпении ходить из угла в угол. – Как ты меня достал, Лала! Я задам тебе вопрос, ответ на который знают все без исключения на Святой горе – каждый монах и даже каждый новоначальный послушник, не говоря уж о сиромахах. Ну что, Лала? Пойдёшь на такое условие?

– Говоришь, все знают? Ну, тогда я согласен. Только и у меня есть небольшое условие.

– Молодец, Лала. Какое?

Между тем, русский уже поставил на мой газак воду для чая.

– Если я выиграю или, проиграв, найду ещё хотя бы одного человека, который не знает ответа на твой вопрос, ты всегда будешь уступать мне в подобных ситуациях.

Евгений улыбнулся и протянул мне руку.

– Конечно, Лала! А теперь назови-ка мне имена четырёх евангелистов и можешь оставаться здесь на ночлег. А я уйду, клянусь Богом. Давай, богослов, я жду.

– Четырёх евангелистов? – Я покраснел, на лбу от волнения выступила испарина. – М-м-м... Л... Лука?

– Браво! – Евгений хлопнул в ладоши.

...Минут через десять, по прошествии которых я так и не смог вспомнить больше ни одного имени, Евгений стал выпроваживать меня из вагончика.

Что мне было делать! Не драться же с ним. Евгений не был сильнее меня, но в дерзости, несомненно, превосходил. Да и сам я, честно сказать, трусоват, к тому же, я проиграл в споре. Перед уходом, я спросил торжествующего победителя:

– Ну, что, как договорились? Если я найду хотя бы одного монаха на Святой горе, который не знает имена четырёх евангелистов, могу я быть уверен, что у меня будет преимущественное право ночевать в этом вагончике?

– Конечно!

Евгений не без злорадства пожелал мне помощи Божьей в моих делах, которые, на данный момент, несомненно, были плохи, и громко захлопнул за мной дверь.

На гору уже спустилась ночь, было довольно холодно. Конечно, произошедшее со мной не так уж и страшно. Уже бывало, что я ночевал на голой земле, и сегодня меня беспокоило не это. А вдруг я, и в самом деле, настолько чужой здесь, на Святой горе? Ведь, действительно, в вопросах веры я не знаю и самого элементарного. Погружённый в такие скорбные раздумья, я вышел на главную дорогу, ведущую вверх, к Карьесу. Было темно, но для таких случаев у меня припасён хороший фонарик – без фонарика сиромахам на горе никак нельзя.

До афонской столицы путь непростой: сначала, рискуя наступить на змею и обливаясь потом, ты

поднимаешься по горному серпантину, а затем начинается ещё более трудный спуск. Думаю, альпинисты меня поймут. Неожиданно я услышал звук двигателя, и, обернувшись, увидел свет фар направляющейся в сторону Карьеса автомашины. Я поднял большой палец правой руки вверх и стал ждать, не надеясь на успех, но машина всё-таки остановилась. За рулем старого грузовичка был знакомый румын-рабочий из скита Колицу. Я, как мог, всё объяснил ему, и тот предложил доехать с ним до Колицу и переночевать в рабочем бараке. Его приятель отправился сегодня в Уранополи, и на ночь освободилось место. Я обрадовался столь неожиданному повороту событий и забрался на скрипучее, обшитое искусственной кожей, сиденье рядом с добрым водителем.

Колицу был маленьким румынским скитом, находившимся на территории Пантократора. Там жил известный святогорский старец, отец Дионисий, который в отличие от многих, ни разу не бранил меня и не выгонял на улицу, как собаку. Он был поистине духовным человеком.

Я подумал, раз всё так удачно сложилось, может быть спросить его, стоит ли мне и дальше оставаться на Святой горе? Ведь пришёл я сюда не ради подвига, а из-за собственных житейских неурядиц. Здесь богатые монастыри и тёплый климат, – бродяжничать на Афоне гораздо легче, чем по Греции. И, быть может, всё это – большой грех. Пусть старец мне объяснит, ведь он мудрый человек.

Рабочие приняли меня радушно, накормили, налили стакан хорошего молдавского вина и уложили спать.

На следующее утро я подошёл к келейнику отца Дионисия и спросил, сможет ли старец принять меня сегодня? Молодой послушник, как и все келейники, минут пять упирался, но затем всё-таки провёл меня к старцу.

– Здравствуй, дорогой Лала! – радостно приветствовал меня отец Дионисий. – Ну, как твоя жизнь, где подвизаешься?

Я в ответ рассказал старцу о своём конфликте с сиромархией Евгением и покаялся в том, что из четырёх евангелистов не знаю трёх.

– Наверняка, геронта, все на Афоне, даже албанские рабочие знают это. Стоит ли мне после такого позора оставаться на Святой горе?

– А сколько ты, Лала, уже здесь?

– Скоро семь лет.

– Семь лет? Это серьёзный срок – Отец Дионисий задумался. – Знаю я этого Евгения – хороший малый, только пьёт много.

– Это точно.

– Вот что я тебе скажу. Евгений часто приходит к нам в Колицу, просит у меня совета. В следующий раз как он появится, я ему накажу, чтобы он всегда уступал тебе место в том вагончике, потому что ты на горе уже семь лет, а он всего лишь три. По афонским законам ты старше его. И, конечно, раз Матерь Божья принимает тебя на этой земле уже семь лет, значит, это неспроста. Оставайся здесь и дальше.

– Мулцумеск [5], отец Дионисий, но... мы заключили с Евгением договор. Если найдётся на Святой горе человек, который, так же, как и я, не знает имён евангелистов, то я смогу ночевать в этом вагончике, когда захочу. А если не найду – он наше пари выиграл. Я человек честный.

Старец улыбнулся.

– Ну, эти имена ты можешь выучить за десять секунд.

– Так-то оно так. Но договор есть договор.

– Что ж. – Отец Дионисий похлопал меня по плечу. – Я скажу Евгению, что он проиграл спор, потому что я тоже не знаю имён евангелистов. Что ты так удивился? Думаю, он поймёт, что я имею в виду.

Я недоверчиво посмотрел на старца.

– Что?! Вы хотите сказать, что не знаете эти имена?

Неожиданно старец обнял меня за плечи и искренне и громко рассмеялся.

– Разве ты не знаешь, Лала, что Матерь Божья не с тем, кто больше знает, а с тем, кто больше всего нуждается в Её помощи?

Признаться, этого я не знал.

«Потерянная» рукопись неизвестного исихаста

Мне довелось путешествовать по разным местам, и святым, и загадочным. Я был свидетелем множества удивительных событий. Но история, которая произошла со мной в последней поездке на Афон, – особенная. Она изменила меня.

Но начнем по порядку.

Когда я очнулся и понял, что мой проводник, русский монах Нил, пропал, было уже непроглядно темно. Тончайший серп луны и свет рассыпанных по небу звёзд – это всё, что мог я различить в черноте афонской ночи. «Отец Нил», – крикнул я в темноту и прислушался... Ничего. Я ещё несколько раз позвал его – тишина. Господи, где же этот Нил!

Мы познакомились в Дафни, в магазине, куда оба зашли за продуктами. Опытным взглядом монах мгновенно распознал во мне русского паломника, жаждущего духовных ощущений. Чёрные густые всклокоченные волосы и начинающая седеть нечёсаная борода делали отца Нила похожим на настоящего пустытника. Он спросил, откуда я, я ответил; слово за слово – мы разговорились.

Нил поведал мне, что живёт на горе нелегально, как и почти все русские афониты. Его пристанище – скит Кераси, названный так из-за растущих в изобилии в его окрестностях черешневых деревьев. Келья, в которой он обитал, была, по его словам, самой высокой на Афоне – там начиналась тропинка на вершину Святой горы, ведущая мимо храма Панагии к храму Преображения Господня, где, по древнему преданию, должна совершиться последняя литургия на Земле. Выше жили, может быть, лишь невидимые старцы.

Меня заинтриговала таинственность этого места. «Подумать только – невидимые старцы! Предание, последняя литургия! Какой духовный колорит! Вот бы побывать там», – думал я.

Нил, словно угадав мои мысли, пригласил к себе в келью, попросив помочь ему заготовить на зиму дрова, и я без колебаний согласился.

Эту келью, продолжал рассказывать отец Нил, по омологии [6] арендовал один старый монах, любивший охотиться на кабанчиков, за что и получил по решению греческого суда два уголовных срока. Из двадцати лет, прожитых им на Афоне, пять он провёл за решёткой. Последний срок монах получил не только за очередного умерщвлённого кабана, но и за то, что срубил маслину, чтобы его поджарить. В Греции за ограбление квартиры можно получить меньше, чем за срубленную национальную гордость страны – оливковое дерево.

Отец Неофит, так звали монаха-охотника, разрешил Нилу жить в его келье, в которой сам появлялся лишь изредка, в основном для того, чтобы в подвале освежевать свою добычу. У отца Неофита была ещё одна странность – он любил высекать на камнях перекрёстков изображения Божьей Матери. Эти «наскальные рисунки» были столь примитивны и неумелы, что некоторые паломники принимали их за изображения лесных духов.

Настоящий хозяин кельи, старый грек, окончивший Санкт-Петербургскую духовную академию и имевший в Кераси по меньшей мере пять заброшенных келий, тоже не стал выгонять отца Нила, увидев, как тот заботливо ухаживает за древним монашеским домиком. Он перестелил крышу, переложил печку, и, вообще, навёл в келье порядок. Теперь она была достаточно хороша, чтобы в ней можно было жить, но не настолько хороша, чтобы греческий монах захотел взять её себе.

Отец Нил был великолепным рассказчиком и так увлёк меня историями, связанными с кельей и её окрестностями, к которым мы медленно, но верно приближались, что я уже готов был остаться у него на все две недели отпуска. Но тут и произошло это необъяснимое и едва не ставшее для меня трагическим

событие.

Мы сделали привал немного выше святого Василия, и Нил показал мне один из тех образов, если их можно было так назвать, отца Неофита. Я стал внимательно его рассматривать: конечно, сходство этого изображения с образом Божьей Матери было минимальным. Мне тогда показалось, что такое сравнение вообще кощунственно. Я вглядывался в линии, высеченные незнакомым монахом-охотником, которые быстро темнели из-за заходящего за гору красного солнца...

Это было последнее, что я мог вспомнить, очнувшись в кромешной темноте, без рюкзака, без фонаря, оставшегося в этом рюкзаке, и без проводника.

Нестерпимо болела голова. Дотронувшись до неё, я почувствовал на темени что-то липкое и вязкое. Очевидно, это была кровь. Но откуда, она, Господи помилуй, взялась? Голову саднило. Неужели Нил ударил меня по голове и удрал с моим рюкзаком? Бред какой-то, не мог Нил так поступить. Да и рюкзак, может быть, где-то здесь, рядом, но в такой темноте его не найти.

На мои крики о помощи по-прежнему никто не отзывался...

Мы только начали своё путешествие, а отец Нил, которому было, как мне кажется, уже далеко за пятьдесят, стал уставать от тяжести своего рюкзака, наполненного приобретённой впрок снедью. Заметил я это лишь когда монах стал фыркать, словно мул. Я спросил отца Нила, зачем он это делает, и тот объяснил, что, подражая таким образом мулам и лошадям, можно сбросить напряжение, после чего становиться хоть не намного, но легче.

Тогда я предложил понести его рюкзак, мол, мне, увлекающемуся дайвингом и альпинизмом, такая «тренировка» только на пользу. Но Нил в ответ только улыбнулся, взглянув на меня со свойственной ему ехидцей. Мне тогда показалась, что в нём разыграло самолюбие. Однако я ошибался – уже через час я настолько изнемог, что стал просить частых передышек.

Боже мой! Как же болит голова!

Я шёл, не зная куда, спотыкаясь о камни и расцарапывая руки и лицо об афонские тернии. Кровь из сочащейся раны тёплой струйкой стекала мне на лицо. Я шёл, непрестанно шепча Иисусову молитву, перемежая её восклицаниями: «Нил, куда же ты пропал! Куда же ты пропал, Нил!»

Так вот к чему может привести поиск экзотики на Святой горе! Как будто Афон – это какой-нибудь Тибет. Теперь мне стало казаться, что это грех – нельзя неподготовленному человеку вот так слоняться в поисках духовной экзотики. Впрочем, подготовленный, духовный человек и не станет заниматься подобными глупостями.

Но что же мне делать теперь, раз уж так вышло?

Я остановился. Чувство беспомощности было таким острым и так размягчило мою душу, что я встал на колени и зарыдал, как ребёнок.

Вдруг слева послышался шорох. Слёзы мгновенно высохли, я напрягся, готовый ко всему. «Скорее всего, – подумал я, – это кабан. А вдруг человек? Может быть, кто-то услышал меня и хочет помочь? Но тогда почему он молчит? Почему не идёт дальше?»

И тут совсем рядом приветливый голос тихо произнес по-русски: «Всё будет хорошо». Я вздрогнул – что-то коснулось моего лица, и я почувствовал, как чья-то заботливая рука вытирает тканью кровь с моего лба. Я закрыл глаза: на мою душу снизошёл покой...

Когда я пришёл в себя, незнакомца уже не было, но зато где-то невдалеке слышались голоса, зовущие меня по имени, среди которых я различил и голос моего проводника. Я закричал в ответ и через пару

минут три человека во главе с отцом Нилом уже спускались ко мне, в лесной овраг. Выбираясь с помощью моих спасителей на тропу, в свете их фонариков я вдруг увидел лежащую на земле тетрадь. Я попросил Нила поднять её и тот, подумав, видимо, что это я обронил нечто вроде путевого дневника, сунул тетрадь мне в карман. Я же почему-то не сомневался в том, что её потерял тот таинственный монах.

Меня отвезли в греческую зилотскую келью, где рану осмотрел врач, определивший, что у меня сотрясение мозга, правда, не слишком тяжёлое. После того как мне сделали перевязку, благодаря усталости и волнениям этого дня я мгновенно уснул, и только утром узнал, что же всё-таки произошло.

– Ты долго, – рассказывал отец Нил, – смотрел на наскальный рисунок отца Неофита, а потом, усмехнувшись, сказал, мол, какой же это образ Матери Божьей, да это же просто какая-то каменная баба! И тут ты поскользнулся на ровном месте и упал в овраг. Я – бегом к тебе, а ты без сознания, головой о валун ударился. Ну, я потряс тебя немного – ты не реагируешь. А как тебя вытаскивать – один-то я не справлюсь, вот и побежал за подмогой. Засветло не успели, да и искать тебя долго пришлось, ведь ты удрать от нас куда-то решил. – Отец Нил рассмеялся.

Весь следующий день я пользовался радушием своих хозяев, которые показали истинное эллинское гостеприимство. Вечером ко мне пришел отец Нил, немного поболтал со мной, а уходя, грозно предупредил:

– Больше на Афоне, да и где бы то ни было, не говори ничего подобного! – Отец Нил погрозил мне пальцем и вышел из кельи.

О таинственном монахе я ничего рассказывать не стал. Может быть, он оставил обитель ради безмолвия. И если незнакомец захотел оставить себя в тайне, пусть так и будет.

Оставшись наедине с самим собой, я вдруг вспомнил о тетради. Я зажег свечу и, порывшись в рюкзаке, нашел ее. Врач запретил мне читать хотя бы первые несколько дней, но любопытство всё-таки взяло вверх над заботой о собственном здоровье.

Интересно, какие же откровения оставил мне неизвестный пустынный? А вдруг у меня особая миссия – донести новое откровение миру! Предвкушая духовный восторг, я взглянул на первую страницу. И что же? В первой же строке, несколько раз подчёркнутой, я с замиранием сердца прочёл:

«Ищи Бога везде».

Эти простые слова дневника неизвестного исихаста вмиг обличили моё желание найти на Святой горе какую-то особенную святость, стать причастником какой-то особенной благодати.

Я снова приник к пожелтевшим листам старой тетради. Лишь несколько первых абзацев с описаниями откровений, которых удостаивался неизвестный подвижник, успел я прочесть – буквально через минуту голова моя закружилась, строки стали расплываться перед глазами, я отложил тетрадь в сторону и через минуту уже крепко спал...

А на утро мне больше не хотелось ни экзотики, ни откровений. Я понял, что нет у меня никакой миссии, и то, что я обрёл этот дневник, означает одно: таким образом Господь дал мне понять, что не нужно искать Бога в святых местах; что Господь, прежде всего, проявляется в святых делах и святых поступках...

Пусть старец, написавший тетрадь, останется в безвестности. Пусть минует его мирской успех, но сопутствует благодать Божья.

...Я долго колебался – уж очень не хотелось мне расставаться с тетрадью, которая, как мне сперва подумалось, была подарком неизвестного исихаста. Но, всё же, покинув дружелюбную зилотскую келью на Василия Великого, где меня ежедневно навещал добрый отец Нил, я, предварительно завернув тетрадь в

прозрачный целлофановый пакет, отнёс её в тот самый овраг. Мир тебе, неизвестный исихаст.

На следующий день я уезжал с острова. Отец Нил проводил меня до пристани, и, расставаясь с моим проводником и спасителем, я пообещал вернуться на следующий год и помочь ему всё-таки с дровами. Стоя у борта удаляющегося от берега парома, я смотрел на Святую гору, прощаясь с ней. И вдруг, повинуясь внезапному порыву души, я помахал рукой неизвестному исихасту, автору сокровенных строк, которых мир никогда не увидит – мне очень хотелось, чтобы он почувствовал мою благодарность и моё прощание.

Я уплывал, так и не познав Афон. Тем, кто хочет откровений, недоступны пониманию молитвенные и постнические труды сотен монахов, свирепые искушения и непрестанно проливаемые ими слезы. А тот, кто хочет познать Афон, должен познать именно это...

А экзотику кто хочет – пусть ищет в африканских сафари и латиноамериканских джунглях. Это я вам точно говорю.

Первый враг молитвы

Когда меня спрашивают, почему я решил податься к русскому старцу Вениамину, я отвечаю, что мне просто надоело слоняться по Святой горе в качестве сиромахи. Кто бродил по Афону в течение хотя бы года, поймёт, о чём я говорю.

Возможно, как этап в духовном становлении, сиромашество и здорово, но, как я убедился на собственном опыте, годами бродить по Афону – не душеполезно. Хотя сиромахи склонны считать себя подвижниками, на самом деле они обыкновенные бродяги. Какое уж тут подвижничество, когда молишься как попало, ешь что попало и спишь где попало – душа лишь загрязняется всякой чепухой.

В общем, осознав губительность «духовного бродяжничества», я подался к отцу Вениамину. Продержаться у него хотя бы месяц было бы почётно для любого сиромахи, но я прожил с ним уже целый год! А всё дело в том, что отец Вениамин чрезвычайно несдержанный человек: оскорбить кого-нибудь – для него проще пареной репы.

Поэтому-то меня постоянно и спрашивают – как это мне удаётся так долго терпеть его выходки. Я же отвечаю, что не оставляю его, потому что мой старец – святой жизни монах. И хотя обычно мой ответ кроме смеха ничего не вызывает, я и правда так думаю. Осознание этого пришло ко мне после одного случая, о котором я и хочу рассказать.

В тот знаменательный день, а точнее, тёплую майскую ночь, отец Вениамин неожиданно поднял меня на молитву:

– Просыпайся, бездельник! Дармоед ты этакий, лоботряс, олух Царя Небесного! Ты что, не знаешь, что мы, монашествующие, должны молиться Богу больше ночью, чем днём. А днём работать, а не лениться. Работать, понимаешь?!

– Иду! Иду! – ответил я, стараясь скрыть нарастающее раздражение.

Поднявшись с кровати и расчесав спутавшиеся волосы, я, понукаемый отцом Вениамином, пошёл в храм.

У старца и раньше бывали подобные «приступы» подвижничества, когда им овладевало желание уподобиться Иосифу Исихасту. Тогда отец Вениамин вводил в келье устав этого подвижника, беспрекословно следуя всем его пунктам, кроме безмолвия, которое заменялось духовной техникой самого отца Вениамина, называвшей её «уроками смирения». Суть «техники» заключалась в резком увеличении числа оскорблений, наносимых послушнику, что, учитывая недосыпание и строгий пост без масла, переносить было крайне тяжело.

Утешением в эти скорбные дни было знание того, что подобные благочестивые устремления проходят у отца Вениамина обычно через неделю, а то и раньше...

В ту ночь я только начал было читать охрипшим спросонья голосом кафизму: «Блаженны непорочные в путь, ходящие в законе Господни...», как вдруг старец вышел из алтаря:

– Тихо! Коля, тихо!.

Глаза его горели, он был так возбуждён, что у меня, признаюсь, возникли сомнения в психическом здоровье моего старца.

– Прислушайся, Коля! Тсс! – Он поднес указательный палец к губам. – А? Каково тебе это?! Слышишь?

Я прислушался – лишь ветер и кваканье одинокой лягушки. Покачивая головой, я осторожно заметил:

– Всё тихо, геронта.

– Что?! – Он покраснел от гнева, однако вопреки обыкновению, потока оскорблений не последовало. – Слушай лучше, глухая тетеря! Неужели ты её не слышишь? Затаи дыхание. Ох, давно я не слышал эти демонические камлания.

Я опять вслушался в ночную тишину, и тут до меня дошло – старец, видимо, имеет в виду лягушку! Я похолодел от страха. «Всё! – подумал я. – Завтра утром опять пойду по горе. Лучше уж бродяжничать, чем жить рядом с сумасшедшим».

Взяв себя в руки, я робко посмотрел на старца.

– Отец Вениамин, вы имеете в виду... лягушку?

– Что?! Ты сказал, лягушку?! – На мгновение мне показалось, что старец хочет меня ударить. – Никакая это не лягушка, понял? Это дьявол!

«Ничего себе, куда хватил!» – воскликнул я про себя, и мысль эта отобразилась на моём лице недоуменной гримасой. Всё больше пугаясь внезапного безумия старца, я захотел уйти немедленно, но никак не решался сдвинуться с места.

– Лягушка! – Старец неожиданно снизил градус своего гнева и разразился тирадой. – Это первый враг моей молитвы! Я уже пятнадцать лет в этой келье. И в ту первую ночь, когда я, ещё будучи один, начинал свой пустынный труд, дьявол явился искушать меня в образе этой, как ты говоришь, лягушки. Только я сосредотачивался на словах псалмопевца, она начинала петь свои демонические гимны. О, если бы ты знал мою боль, дорогой мой послушник. Это настоящее исчадие ада, ребёнок сатаны, кошка антихриста, зелёная смерть, душитель молитвы, хитрая прыгающая бестия, страж развалин, проповедник беззаконий, служба воров, приятель ночных демонов, покровитель блудников, вместилище яда, воплотившееся уродство, наследник тьмы, мечущая икру пучеглазая квакающая тварь! Я могу хулить её целую ночь без остановки. Проклинаю её, я не устаю, а только набираюсь сил. Значит, ты говоришь, что это просто лягушка? Нет, Коля, это не простое земноводное. Не тварь Божья. Это не гад, движущийся в водах, это сам змей, «егоже создал ругаться ему». Это ночной демон, который отеплен дьяволом специально для искушения монахов, чтобы сбивать их с пути молитвы! Лягушка!

Я молчал, не зная, что ответить, а старец тем временем снова начал распаляться.

– Ты хоть видел когда-нибудь эту лягушку? Это же прообраз подлости и безобразия. Сам мерзкий, отвратительный вид её говорит о многом. Лягушка! Я тоже думал, что это безобидное и уродливое существо, из тех, что мы презираем и жалеем одновременно. Я тоже, Коля, отдал дань этому заблуждению. Но после долгих лет борьбы с этим, воистину, исчадием ада, его великим порождением и образом самой смерти, я знаю, с кем имею дело. Не смей больше называть этот сосуд мерзости лягушкой, понял?

С одной стороны, было неплохо, что гнев старца пал на бессловесную тварь, а не на меня, но с другой, – жить с человеком, который считает маленькое болотное существо монстром – всё-таки страшно.

– Понял, отец Вениамин! Но как мне тогда её называть?

– «Оно»! И никак иначе!

– Оно?

– Оно! Ужас пустынников, ядовитое дыхание лукавого, жесточайшее искушение, ржа молитвы, кошка антихриста. Ах, это я уже говорил... – Старец почесал седую бороду.

И тут я не выдержал:

– Да возможно ли такое?! – Вскричал я. – Это ведь ля... оно лишь зверь, жалкое бессмысленное земноводное! Разве можно питать к нему ненависть? Простите, геронта, можете меня выгнать – ваше право, но я скажу своё слово: так считать – просто богохульство!

– Богохульство? – Старец неожиданно улыбнулся. – Оно окрутило тебя, сын мой, как я могу тебя выгнать теперь, когда ты пленён тьмой? Оно ворует у меня молитву уже более пятнадцати лет, я уже не говорю о душевном мире и сосредоточении духа, псалмопении и безмолвии. Ты думаешь, почему я поменял безмолвие на «уроки смирения»?

– Неужели из-за... него?

Отец Вениамин как-то странно улыбнулся и крепко, обеими руками, взял меня за плечи.

– Бери фонарик и тяпку для прополки кабачков, храбрый воин Христов. Пора покончить с этим! Нанесем тьме удар!

– Удар?

– Да! Я много раз пытался разыскать это чудовище, но оно всегда ускользало от меня. Но теперь, чуёт моё болезнующее сердце, вместе с тобой, славный мой подвижник, мы разыщем и уничтожим вора, расхищающего покой нашей кельи. Вперёд, Николай, раб Божий. И да поможет нам Бог!

Героический пафос последней тирады делал её невообразимо комичной, учитывая «опасность» нашего противника. Но вместе с тем, эта фраза содержала в себе столько лестных определений, касающихся меня, что я растаял, словно январский снег, который хоть изредка, но выпадает и в Греции. Я быстро разыскал фонарик и тяпку для уничтожения «первого врага молитвы» и вышел к старцу, который был собран и сосредоточен.

– Идём! Твори про себя Иисусову молитву, понял?

Я уверенно кивнул в знак согласия.

– Да, отче. Но, вот, не знаю, смогу ли я убить... это.

Отец Вениамин задумался.

– Будь это сосуд дьявольский или самостоятельная сила... животное, я всё равно уничтожу его!

– Да, но...

– Никаких но! Иди на дьявольское пение, но не упускай молитву, слышишь? Главное обнаружить его, а я уж сам позабочусь, чтобы оно замолчало на веки вечные.

Не упускай молитву, и фонарь пока не включай, чтобы не спугнуть!

– Я понял, геронта.

Мы вышли из кельи и, крадучись, пошли на кваканье бедной лягушки. Я читал про себя молитву, моё сердце было переполнено жалости к старцу, вспыхавшему такой ненавистью к какому-то животному.

Однако ещё один вопрос занимал меня – имеет ли в виду старец какое-то конкретное существо или же лягушек как вид. Ведь если он думает, что дьявол лишает его молитвы посредством лягушачьего кваканья, то оставаться в этой келье больше не имело смысла – того и гляди, старец заставит избивать всех лягушек в округе, а местность близ кельи довольно сырая. Если же он разыскивает какое-то мифическое существо, типа дракона, единорога, левиафана или василиска, – тогда другое дело: убив одну лягушку, он решит, что поразил самого дьявола и надолго успокоится.

Лягушка замолчала.

– Тсс! – произнес отец Вениамин едва слышно, остановившись у колючего кустарника. – Заходи слева, Коля, оно здесь, я слышу. Как только я включу фонарь, включи и ты свой. Главное не упустить чудовище, Коля, я надеюсь на тебя. – Он забрал у меня тятку, и мы замерли в ожидании атаки.

Неожиданно в полной тишине снова зазвучало лягушачье соло.

И тут я представил, как сейчас старец ударит по незащитному существу тяткой для прополки кабачков, и нервно затрясся. Могу ли я без ущерба для собственной души потакать чудовищным причудам старца? Ведь ответственность за это безумие кровавым пятном ляжет и на мою совесть. Для меня эта пауза стала моментом истины. Я включил фонарь и зашипел что было мочи, стараясь спугнуть ни в чём не повинное животное:

– Кшш, кшш!

– Безумец, что ты делаешь?! Какое помрачение! Помоги тебе Господь! – завопил старец.

Он тоже включил свой фонарь и направил его в терновник.

На большом валуне в лучах наших фонарей, как ни в чём не бывало, сидела крупная зелёная лягушка. Она и не думала убегать. Словно не замечая нашего присутствия, лягушка продолжала квакать, надувая зелёный пузырь на шее. И тут я увидел, что старец уже занёс над ней оружие убийства.

– Отец Вениамин, опомнитесь! Не позорьте вашу схиму, – заорал я. – Вспомните о вашем призвании и чине. Как можно питать столь великую злобу к этому бессловесному существу?

Отец Вениамин опустил тятку и рассмеялся так, что у меня мурашки побежали по спине – неужели мой бедный старец в прелести!

– Коля! Ты видишь? Оно даже не боится нас. – Отец Вениамин ткнул пальцем в сторону невозмутимой лягушки. – Ты когда-нибудь видел, чтобы лягушки так себя вели? Николай, прозри, наконец, – оно нас совершенно не боится. Ни капли! Оно не верит, что мы сможем уничтожить его. Сын мой, она квакает так спокойно, с таким презрением, как будто нас вообще не существует. – Старец вновь занёс над лягушкой тятку. – Но я прекращу эти дьявольские литания раз и навсегда.

– Отец Вениамин, может быть ля... оно просто испугалось нас, и находится в состоянии шока. Даже я сейчас боюсь вас!

Старец посмотрел на меня так, что стало ясно, кого из нас двоих он считает сумасшедшим, и в третий раз взмахнул тяткой:

– Рассадник зла, демон, таящийся под маской невинности! Ты можешь ввести в заблуждение целый мир, но не меня. Будь проклят дьявол и его зелёный истукан! Получай же, бестия!

«Всё, завтра ухожу», – подумал я и закрыл глаза, не желая видеть убийство невинной твари.

И тут, за какое-то мгновение перед сокрушительным ударом тяткой, лягушка сказала:

– Аллилуйя.

...Если бы я был один, то подумал бы, что это слуховая галлюцинация от недосыпания, плохого питания, да и, паче всего, от психического переутомления, вызванного постоянными нападками и оскорблениями старца. Но ведь и отец Вениамин, так и замерший с занесённой тяткой, тоже пребывал в изумлении, едва ли не большем, чем я сам. Лягушка, тем временем, возвратилась в свой чин земноводных и, оттолкнувшись задними лапками от валуна, скрылась в кустарнике.

Через минуту, придя в себя, ошеломленный старец скорбно посмотрел на меня.

– Какой безумный, оказывается, я старик, Коля! Ведь написано же в Писании: всякое дыхание да хвалит Господа. Оно ведь прославляло своего Создателя, а я злобствовал на неё. Оно... она безгрешная тварь Божья, а дьявол столько лет учил меня ненавидеть её. Пятнадцать лет я думал, что служу и молюсь Богу, а это она молилась... лягушка. – Отец Вениамин схватился руками за голову и медленно осел на тот самый валун, что едва не стал лягушачьей плахой. Я впервые видел его таким – казалось, он сейчас заплачет от переполнившей его сердце скорби. Он долго бы так сидел, если бы я не взял его под руки и не отвел в келью.

После этого случая старец смирился. Конечно, мне регулярно доставалось от него, но оскорблений стало гораздо меньше, а за наиболее резкие слова отец Вениамин, когда гнев его стихал, даже просил у меня прощения. С той поры старец взял привычку читать себе под нос вместо Иисусовой молитвы стих псалмопевца, что запал ему в душу: «Всякое дыхание да хвалит Господа». Правда, в отношении к лягушке у него появилась другая крайность, которая, конечно, не была столь опасна, как первая, но жизнь мою слаще не делала. Теперь отец Вениамин начал сверять с её кваканьем время нашей молитвы.

Если в старые добрые времена большинство обителей и келий Святой горы жило по византийскому времени, и монахи начинали повечерье с заходом солнца, то мы сверяли своё время с кваканьем лягушки. Единственное отличие было в том, что будила она нас на полунощницу, а не на повечерие. Если в какой-нибудь день земноводное почему-то молчало, мы начинали полунощницу с рассветом.

Старец таким образом словно просил у лягушки прощения за свою многолетнюю злобу и отсекал перед ней, как перед старцем, волю, не боясь прослыть безумцем. Я же не только благодарил Бога за подобное вразумление, но с того дня стал внимательно смотреть под ноги, чтобы ненароком не наступить на какую-нибудь тварь Божью.

В душе я, конечно, посмеивался над чудачествами отца Вениамина, но, честно говоря, его искренность, как в ненависти, так и в покаянии, вызывала у меня уважение. За одно это я возлюбил своего старца.

Отец Вениамин благословил до времени никому не говорить об этом случае, и я молчал до сих пор.

Покаяние Агасфера

Агасфер (вечный жид) – еврей, который, Божьим проклятьем, не может умереть. Другие имена Агасфера – Эспера-Диос (надеющийся на Бога), Бутадеус (ударивший Бога), Картафил (сторож претория). Во время страдальческого пути Господа нашего Иисуса Христа на Голгофу под бременем креста Агасфер отказал ему в кратком отдыхе и велел идти дальше. За это ему самому отказано в покое могилы, до Второго пришествия Христова он обречен из века в век безостановочно скитаться, подобно Каину, которого Бог также обрек на проклятье, запретив лишать его жизни. (Из одного древнего библейского словаря.)

Апокриф об Агасфере распространен, главным образом, на Западе и в Армении и мало что дал православному сознанию. Но этот рассказ основан на воспоминаниях одного достойного уважения старца, который утверждал, что лично беседовал с Агасфером, поэтому я и решил включить этот рассказ в сборник. Не берусь судить о данной версии апокрифа с точки зрения православия и прошу отнестись к моему рассказу со снисхождением.

Автор.

С профессором истории и социологии Афинского университета я был знаком уже два дня – ровно столько, сколько он пробыл у нас в монастыре. Профессор был чудачком, как и многие учёные, но это не мешало нам подолгу беседовать, благо я знаю английский язык.

У нас в обители есть правило: послушник должен хранить молчание и уж тем более не вступать в разговоры с паломниками. Поэтому, конечно, было справедливым, что благочинный монастыря пожаловался на меня старцам, и я получил выговор. Но за то время, что, в нарушение монастырского правила, я беседовал с паломником, профессор успел поведать мне об одном разговоре, состоявшемся здесь, на Афоне.

Не думайте, уважаемые читатели, что я наивный человек: в жизни я повидал достаточно, но история, рассказанная моим новым знакомым, поразила меня. Честно говоря, эту легенду я слышал и прежде, но всегда считал её апокрифом. И, хотя теперь я также не стал бы утверждать обратного, но... кто знает правду? Только Сам Бог. Поэтому, если рассказанное профессором – ложь, оставим это на его совести. В конце концов, лгал он или нет – мы узнаем на Страшном Суде.

Итак, вот его рассказ.

...Профессор и Бутадеус ужинали на площадке перед храмом Преображения Господня, в котором пару дней назад праздновалось Преображение. Они разожгли небольшой костёр и некоторое время молча любовались тем ночным великолепием, что обычно открывается взгляду паломника на афонской вершине в хорошую погоду. Огромная луна, алмазные копи звёзд и млечный путь, словно вселенская пуповина питающий Землю, которую так давно вынашивает Вечность.

Наконец, Бутадеус отломил кусочек сыра и спросил профессора:

– Вам известно, почему я назначил вам встречу именно здесь, на вершине Святой горы? Мне кажется, вы всё ещё сомневаетесь в том, что я на самом деле тот, за кого себя выдаю. Уверяю, ваши сомнения скоро развеются.

Профессор улыбнулся. Сидящий перед ним человек позвонил ему неделей раньше, представился Агасфером и предложил встретиться именно в этот день и час на самой вершине Афона. Другой бы просто посоветовал «Агасферу» обратиться к психиатру, но профессор этого не сделал – он обожал древние легенды. Для удовлетворения своей страсти исследования тайн истории он вступал в масонские ложи различных обрядов, становился рыцарем Мальтийского ордена, пытался воссоздать секту франкистов в

Салониках. Он верил в существование Агасфера, как дети верят в Санта-Клауса – наивно и безоговорочно. Видимо, поэтому Агасфер и выбрал его.

Бутадеус продолжал.

– Я, профессор, живу здесь, в этих скалах, уже около года, но завтра отправляюсь в Иерусалим и, возможно, останусь там до конца своих дней.

– Значит вы и есть тот самый проклятый Богом несчастный человек, что обречён скитаться по Земле до Второго пришествия Господня? – Профессор ощущал сострадание к незнакомцу.

Бутадеус посмотрел в глаза профессору и тот различил в свете костра, что правый глаз собеседника – синий, а левый – зелёный.

– Всё гораздо хуже, мой ученый друг. Мне не суждено постичь, по крайней мере, в этом веке, любовь Божью и уж, тем более, человеческую. Лишь любовь Божьей Матери я ощутил за последние два тысячелетия. Поэтому мы и здесь, в Её священном уделе. Я люблю это место, где монахи, каюсь, получают прощение от Господа. Иногда я думаю, не является ли моя неестественно долгая и мучительная жизнь таким же покаянным упражнением? Но, думая так, не уподобляю ли я себя святым? Ведь какой я святой, если на мне проклятье!

Профессор недоумённо посмотрел на собеседника.

– Но как же так, ведь Бог милостив к кающимся грешникам!

– Не нам судить поступки Создателя. – Агасфер потупил взгляд. – Я ударил Бога, ударил своего Царя. Два десятка веков прошли с тех пор, но я помню Его измученное лицо, словно это было минуту назад, и это воспоминание сжигает моё сердце! – Агасфер закрыл лицо руками.

Профессор откашлялся, и после непродолжительной внутренней борьбы решился спросить.

– Вы расскажете, как это произошло?

Агасфер сделал рукой неопределённый жест, словно отмахиваясь от чего-то невидимого.

– Как это произошло? – переспросил он и покачал головой. – Я хотел бы не вспоминать, но я вспоминаю об этом всё время, и наяву, и во сне... как я преграждаю Царю путь и бью Его, измученного пытками и несением креста. Как Он просит меня, словно я Его господин, о минутной передышке, и я отказываю Ему. Я вспоминаю тот ужасный день, когда Царь, по Своем воскресении, проклял меня, как второго Каина, и я стал изгоем...

– А как именно Он вас проклял? – не сдержавшись, перебил собеседника профессор.

Агасфер сверкнул разноцветными глазами.

– Это так важно?! – раздражённо спросил он. – Вы хотите знать способ проклятья?

Профессор смущённо развел руками.

– Нет-нет, как хотите!

– Я лишь через пятьсот лет понял, что со мной произошло.

– Что вы поняли? Что прокляты... навечно?

– Да... Но у меня осталась надежда. Её мне дала Божья Матерь.

– Ну... тогда...

– Слушайте профессор, слушайте, что я вам рассказываю, у нас мало времени. – Агасфер налил себе ещё вина. – Я покаялся и попытался стать христианином, когда вселенская проповедь только начиналась.

Но вы не представляете, с каким презрением Его учеников я столкнулся – они прогнали меня прочь, как пса. Проклятье не давало им не то что полюбить меня, но хотя бы по-человечески относиться ко мне. Какое-то время они даже считали, что я сам дьявол, который хочет, вступив в общину, изнутри разрушить её. Меня преследовала та же ненависть, с какой я ударил своего Царя. Мало того, меня возненавидел весь человеческий род, от добродетельнейших до самых мерзких его представителей. Тогда я возжелал смерти, избрав путь Иуды, но лишиться себя жизни я не мог. К каким только ухищрениям я не прибегал! Я сжигал себя заживо, бедуины хоронили меня, усыпленного опиумом, я прыгал со скал Гиндукуша, по закону шариата мне отрезали конечности и голову... Но на следующий день я непременно оживал. Приходя в себя в каком-нибудь незнакомом месте, я понимал, что вновь жив и ненавидим всеми. После каждой попытки самоубийства пожар в сердце разгорался ещё сильнее, и, в конце концов, я оставил эти жалкие попытки и... вот, живу... Просто за симпатию ко мне хотя бы одного человеческого существа я отдал бы всё, но люди по-прежнему ненавидят меня... Вы, кстати, тоже через некоторое время почувствуете ко мне отвращение. Таково уж проклятье. Говорят, Иуда мог покаяться, у него было на это два дня. Ну что эти два дня по сравнению с моими двумя тысячами! Вот, древняя иудейская мудрость гласит, что у Бога тысяча лет как один день, а один день – как тысяча лет...

– Это сказал апостол Петр!

Агасфер улыбнулся реплике профессора и продолжил:

– Иной раз я думаю, может быть, я уже уподобился демонам... Но ведь я, в отличие от них, хочу покаяния и прощения от Бога. И вот, уже две тысячи лет я каюсь, но не получаю прощения.

– А вы не думали, что Господь поступил с вами несправедливо? Ведь были же люди, которые досаждали Ему и Его последователям гораздо сильнее, чем вы, однако они всё же оправданы, а вы почему-то нет. – Профессор поёжился, словно от внезапного порыва холодного ветра: он понял – Агасфер не обманул, и неприязнь к собеседнику, пока легко преодолимая, охватывает его.

– Что ж, скажу честно, у меня не раз возникали такие мысли. – Бутадеус усмехнулся. – Преторианец Лонгин, пригвоздивший Его ко кресту – святой, есть и другие всем известные примеры, но мне, именно мне – отказано в праве на покаяние. Вам, наверное, это покажется странным, но я христианин в душе, хотя для всего мира я враг Христов. Каждый год я делаю попытку креститься в разных странах, в разных христианских вероисповеданиях, у разных священнослужителей – от святых до глубоко порочных. Я предлагаю деньги, всё, что угодно, но я не могу креститься во отпущение грехов – происходят самые невероятные вещи! Однажды, будучи в Константинополе, я смиренно подошел к святителю Андрею Критскому, блестящему поэту, и пал перед ним ниц. Я знал, что он пишет покаянный канон, который теперь зовётся Великим. Я поклонился и представился святому. Я хорошо знал историю Марии Египетской и насколько святой Андрей был ею воодушевлен. Я умолял его отобразить в стихах и мои мучения, указав при этом, что я не только Бутадеус, но ещё и Эспера-Диос, то есть «надеющийся на Бога». Святой Андрей принял меня ласково и сдерживал свою неприязнь всё время общения со мной. Это был воистину сильный человек! Он дал мне кров и пищу, а сам удалился в дальнюю комнату для молитвы. Через три дня он вышел из затвора и сказал, что сколько он ни молился, но так и не получил никаких «указаний» насчёт меня. А затем попросил меня удалиться из города. И таких примеров – сотни! Но самое главное, о чём я хочу рассказать вам сегодня, это о своей надежде! В то время, когда Царь только вознёсся, мне довелось повстречать Его Святую Мать. Она была единственным человеком за две тысячи лет, кто поглядел на меня ласково. Ни Пётр, ни Варнава, ни сам патриарх Иаков не могли переносить даже вида моего. Они сравнивали меня с Иудой и говорили, что меня должны забыть и земля, и небо. И они, в общем-то, оказались правы – мной гнушается даже история, превратившая мою жизнь в миф!

– Да, история... Я как раз... – промолвил профессор, не терявший надежды выудить из Агасфера хоть

какие-нибудь сведения, полезные для его профессиональных изысканий.

Но Агасфер сделал предупреждающий жест, красноречиво говорящий о том, что профессору лучше помолчать.

– Да, даже история. И лишь Его Мать однажды подозвала меня к Себе и ласково со мной поговорила. Это было лишь однажды, но воспоминание об этом согревает мою душу уже две тысячи лет! И это была не просто беседа, это было событие, давшее мне надежду на искупление. – Агасфер улыбнулся. – Я, пока Её земная жизнь не прервалась, везде следовал за Ней, как преданный пёс, но ученики, которым я внушал ужас и отвращение, всегда с гневом отгоняли меня. А Божья Матерь, хоть и не вмешивалась, но и не одобряла их поведение. Лишь Иоанн, тоже, правда, не пускавший меня к Ней, относился ко мне терпимо, так как был посвящен во все Её тайны.

– И какую же надежду Она вам дала? Что именно Она вам сказала? – спросил профессор.

Лицо Агасфера просветлело.

– Она сказала, что Ей дано великое благословение любить всех людей и даже меня, на котором лежит великое проклятие, сделавшее меня объектом всеобщей ненависти.

Отвращение профессора к собеседнику росло с каждой минутой, и ученому требовалось всё больше душевных усилий, чтобы не выдать своих Истинных чувств. Ему казалось, что перед ним какое-то отвратительное животное с фиолетовой, словно чернила, кожей, источающее серную вонь.

– Выходит, Её благословение сильнее проклятия, наложенного на вас.

Агасфер опять усмехнулся.

– Она сказала, что благословение Царя всегда перевешивает проклятье. Что всё закончится, когда мы оба совсем устанем. Я – бродить по свету, Она – вымаливать людей. Именно тогда мир исчезнет и всё станет новым. А перед этим я смогу принять крещение в Иерусалиме – там, где я не был со времён крестовых походов.

– Что значит – Она устанет вымаливать людей? Не кажется ли вам это дерзким утверждением?

Бутадеус вздохнул.

– Она, хоть и величайший, но всё же человек. Лишь милость Бога поистине безгранична.

Профессор чувствовал, что надолго его не хватит, а вопросов, которых он хотел задать живому свидетелю всех исторических событий последних двух тысяч лет, было великое множество.

– Я читал в одном древнем манускрипте, что некоторые авторы с ваших слов писали историю.

– Да, многие. Вам назвать имена?

– А можно?

– Нет. Скоро вы будете испытывать ко мне столь сильную ненависть, что не сможете слушать то, о чём я вам хочу рассказать. У вас слишком мало сил, чтобы тратить оставшееся время на всякие мелочи.

– Но... вы же, можно сказать, ходячая история, вы – хранитель разгадок такого множества тайн, что отпустить вас, не узнав ответа хотя бы на некоторые вопросы, было бы преступлением!

Агасфер усмехнулся.

– Тайны!.. Давайте-ка допьём это превосходное вино.

– Зачем же вы пригласили меня сюда? – возмутился профессор.

Агасфер поднял глаза к небу.

– Иногда мне хочется с кем-нибудь поговорить, излить душу. Жалко, что люди слишком быстро начинают меня ненавидеть. Но ничего, скоро всё закончится – мир приближается к своему концу.

– Закончится? Что вы имеете в виду?

– Месяц назад я пил воду из Агиязмы [7] , и чаша неожиданно сорвалась с цепи и упала в воду. Я склонился над источником, погрузив руки в холодную воду, чтобы достать её, и вдруг почувствовал Её присутствие! Она стояла рядом, на дощатом полу. Я хотел было поднять голову, но Она запретила мне и ласково спросила:

– Ну что, ты, наверное, сильно устал?

– Конечно, устал, Великая Мать!

А Она тихо, со скорбью в голосе, сказала:

– И у Меня уже почти не осталось сил молиться за людей. Мы оба дошли до своего предела, равно как и мир дошёл до своего. Скоро Бог призовет всех на Суд. Иди в Иерусалим, где, как Я тебе и обещала, ты примешь, наконец, крещение и будешь освобождён от проклятья.

– Когда же это произойдёт? – спросил я умоляюще. – Когда?

– Когда силы оставят Меня, а это может произойти очень скоро, ибо грехи нынешних людей очень велики. А ты просто иди в Иерусалим и жди, скоро твоя надежда исполнится.

После этого Агиязма наполнилась необычайным благоуханием, и я понял, что стою у источника один. Кружка же оказалась висющей на крючке, как будто и не падала вовсе. Я зачерпнул ладонями воды и утолил жажду, впервые за многие годы я ощутил некое подобие облегчения. Я прожил близ Агиязмы ещё неделю и, вот, завтра я иду в Иерусалим.

Отвращение душило профессора, и он, из последних сил сдерживаясь, чтобы не убежать в кромешную темноту афонской ночи от этого существа, почти закричал:

– Зачем же вы вызвали меня на эту беседу?!

– Я хотел хоть с кем-то поделиться своей радостью, – спокойно ответил Агасфер. – Вы... вы хороший человек и достаточно чудаковатый, чтобы вам никто не поверил. – Он неожиданно встал, отошел шагов на десять и сказал: – Прощайте, профессор!

...Когда учёный дошел до этого места своей истории, к нам подошел благочинный и разогнал наше маленькое собрание. К счастью, история была уже рассказана. На следующий день мы с профессором смогли лишь обменяться улыбками. Он уехал с Афона и больше я его никогда не видел.

Спустя несколько лет случилось так, что и мне пришлось покинуть Афон из-за одного сильного искушения. Увы! Теперь я не послушник Божьей Матери. Здесь, в России, друзья, чтобы хоть как-то меня утешить, пригласили меня поехать с ними в Иерусалим. Я согласился, и правильно сделал – эта поездка, действительно, несколько приглушила мою скорбь. Кстати, там со мной произошло небольшое происшествие, которое, как я считаю, можно «подшить к делу» об Агасфере.

Случилось это перед воскресной Всенощной в храме Гроба Господня. Мы ждали, когда арабы откроют ворота, и тут я увидел сидящего на корточках у стены храма бродягу, при взгляде на которого я почувствовал необъяснимое отвращение. Он ответил на мой взгляд, и я с удивлением обнаружил, что один глаз у него синий, а другой – зеленый.

Я сразу же вспомнил свой давний разговор с профессором и решил подойти к незнакомцу. Бродяга же, увидев моё намерение, накинул капюшон, скрыв лицо, а свою клюку выставил вперёд, упревая её мне в грудь. Так мы, ни слова не говоря, простояли некоторое время, пока подошедший друг не увёл меня,

сказав, что врата храма Гроба Господня уже открывают и что на этот ритуал обязательно следует посмотреть. Когда я обернулся, бродяга уже уходил быстрым шагом по темной каменистой Via dolorosa [8].

Может быть, это и был Агасфер, ждущий Второго пришествия Господня? Принял ли он крещение или ещё нет? Наверное, нет человека на Земле, с большей радостью, чем он, ожидающего исполнения последних слов Нового Завета: «Ей, гради, Иисусе!»

Осторожно – «афониты»

Тему для этого рассказа мне подсказал один русский афонский пустынный, имени которого мне разглашать не хотелось бы, ибо даже небольшая известность вредна для пустынников. Как говорили древние отцы – щедро одаривай нищих, но отшельников оставляй ни с чем, потому что, одаривая пустынника, ты разоряешь его устав и губишь его, думая, что совершаешь благо.

Это же касается и мирской славы. Пусть она останется с усопшими отцами, а здравствующие пусть пьют бесчестие, как очистительную воду. И да не побьют меня монахи за столь дерзновенное высказывание!

Этот пустынный сказал мне один раз: «Если бы мне пришлось написать книгу об Афоне, я назвал бы её так: «Осторожно – афониты», а написал бы её, чтобы обезопасить верующих от тех, кто использует авторитет Святой горы для собственного прославления». И рассказал затем одну неприглядную историю.

Поначалу я сам соблазнился и не хотел обнародовать его рассказ, боясь тем самым очернить авторитет Святой горы. Но вскоре со мной произошёл случай, который и разрешил все сомнения.

Однажды зимой я приехал в Троице-Сергиеву лавру поклониться мощам преподобного Сергия. Я был одет в послушническое, на голове моей красовалась афонская капа. Неожиданно ко мне подошёл незнакомый человек благообразной наружности, вероятно, весьма порядочный и благоговейный, и спросил:

– Не сочтите за дерзость мой вопрос: у вас такая странная скуфейка, откуда вы, батюшка?

Не справившись с искушением пощеголять именем Афона, я, многозначительно посмотрев на благоговейного паломника, ответил:

– Да что вы, какая дерзость! Я приехал со Святой горы.

– Это с Афона, что ли?!

– Именно, с Афона. – Я кротко улыбнулся, изобразив смирение.

И тут мой собеседник с невообразимым подобострастием посмотрел на меня и сказал с придыханием:

– У вас глаза цвета небес!

Он глядел на меня, человека, не блещущего никакими духовными дарованиями, как зачарованный, словно на святого. А знаете, что можно ощутить, когда на тебя смотрят, как на святого? Никакие восторги перед деньгами, яхтами и популярностью не будут так тешить твоё тщеславие, как если в тебе просто «увидят» Дух Божий. Тогда ты начинаешь казаться себе полубогом, спустившимся на землю с небесного Афона по некоей воздушной лестнице.

После этот случай я понял, что Афон нисколько не потеряет от этой истории, – как благодать священства не оскверняется недостойными пастырями, которые губят только свои души, так и Святая гора нисколько не оскверняется недостойными «афонитами». А если слава её немного и померкнет, так это только полезно для монахов.

Что же касается мирян, то они, думаю, должны знать о существовании людей, использующих благоговение к Афону и святогорцам в своекорыстных целях. Там, где святость, не дремлет и лукавый, пытающийся рядиться в образ истинной духовности.

По большому счёту, виною таких злоупотреблений является совсем не благоговение к святой горе

(как же добро может породить зло?), но тяга к тленной славе. Думаю, многие скорее согласились бы стать духовными чадами афонского иеромонаха, чем иеромонаха из какого-нибудь Моршанска. Разве нет? Нам ведь необходимо, чтобы общеизвестные истины были услышаны нами от человека известного, какого-нибудь старца или популярного духовника.

Спрос рождает предложение: вы хотите быть учениками афонита, значит, появятся и «афониты», желающие стать вашими учителями. «Афониты» приемлют славу от своих учеников, они же, в свою очередь, вырастают в собственных глазах, полагая, что перенимают учение истинной афонской духовности.

Но перейдём к изложению истории, рассказанной мне пустынником, о котором я упомянул в начале рассказа.

Однажды, не так давно, на Святую гору приехали два человека – пожилой монах из Киева и молодой послушник из России. Послушника звали Андрей, монаха – отец Илларион.

Можно сказать, что на Святой горе не слишком рады прибывающим из России подвижникам и вовсе не из-за греческой ксенофобии, которая, правда, тоже имеет место, но и из-за авантюрного характера многих русских подвижников, пытающихся осесть на Афоне.

Судите сами: обычный смиренный монах, принявший постриг в своей обители, разве будет помышлять об Афоне? Может быть, конечно, он и вздохнет не раз в своей келье, читая Силуана Афонского, но против воли игумена пойти не посмеет.

Часто на Афон вместе с настоящими рабами Божиими прибывают беглые иеромонахи, дьяконы в запрете, нерадивые послушники, бродяги, искатели приключений и такие, как Андрей и отец Илларион, желающие использовать Святую гору в качестве трамплина для собственной карьеры.

Эти два человека, Андрей и отец Илларион, никогда не встречались и вряд ли слышали друг о друге, но я поместил их в одном рассказе, чтобы подчеркнуть, что искушением стать старцем-святогорцем и заслужить почитание верующих, не прибегая к подвигам самоограничения, молитвы и смирения, болеет и стар, и млад.

И вот, прошёлся Илларион по горе, в монастырь брать его никто не захотел, и монах задумался: как же добыть вожденную благодать великого ангельского образа? Как достичь своей цели – постричься на Афоне в схиму и уже в качестве «святогорца» вернуться в родную Украину, где можно начинать «старчествовать» и кормить благоговейных мирян?

Можно было, конечно, податься в зилоты.

Монастырь Эсфигмен принимал всех, кто против Вселенского и Московского патриархов. Можно было встать под мятежное черное знамя зилотского монастыря, на котором написано: «Православие или смерть». Илларион знал, что зилоты заставляют новостильников, «сергианцев» или других «еретиков» перекрещиваться в истинную веру, что фактически равносильно отречению. Через два года трудов на ниве зилотства можно было получить схиму, а затем, «покаявшись», вернуться в лоно Церкви. Зилотский постриг, в отличие от рукоположения, признаётся нашей Церковью законным, поскольку рукоположение может производить только правильно поставленный епископ, а во время пострига монах даёт обеты Самому Богу, и по всем канонам «расстричь» схимника невозможно.

Но отец Илларион отнёс этот вариант: два года тяжелых трудов и мучительное приспособление к братству Эсфигмена казались ему слишком дорогой платой за схиму, и он решил пойти другим, более коротким, путем.

Он зачастил в сербский монастырь Хилендар, где подружился с духовником этой славной обители. Духовник Симеон был очень добрым, простым и открытым человеком, и в силу этого никогда и никого не

подозревал в нечистых намерениях. Факт исторической дружбы сербского и русского народов отец Илларион, выбирая жертву, тоже учёл.

Прошло некоторое время, и Илларион стал просить своего нового друга постричь его в схиму. Духовник сперва отказывался, объясняя, что у него будут большие неприятности, если об этом кто-либо узнает. Но Илларион божился, что о постриге не узнает ни одна живая душа, и духовник, наконец, дрогнул под мольбами отца Иллариона. Поверив, что тот сохранит тайну пострига, отец Симеон однажды ночью в маленьком параклисе тайно постриг его в великий ангельский образ.

В схиме киевский монах получил имя Иларию.

Он вернулся в Карули, купив предварительно в Кариесе новую, расшитую красными нитями, греческую схиму. Если в России великосхимник виден сразу, – русская схима внушительна и красива, то эллинская носится скрытно, под рясой и похожа на священническую епитрахиль. Греческого схимника нельзя отличить от обычного рясофорного послушника, впрочем, как и от иеромонаха, который по афонским правилам не носит крест поверх рясы. Это святогорская традиция прекрасна и показывает, что монашество – поистине «чин кающихся», и истинная благодать всегда сокрыта от людских взоров.

Но наш отец Иларию так не считал. Приехав в Карули, он сразу надел новенькую схиму поверх подрясника. Обступившим его с расспросами он поведал, что постриг его в святую схиму хилендарский духовник Симеон, многими считавшимся старцем высокой жизни. Скоро об этом постриге говорила вся гора, и, можете мне поверить, доброму сербскому духовнику не поздоровилось. За такое самочиние он запросто мог лишиться своей должности.

А новоявленный Иларию просто забыл своего друга и перестал ходить в Хилендар. Теперь он получил то, что хотел – афонский постриг, и оставаться на Святой горе ему не было смысла, так как здесь, на Афоне, в схиме ходит каждый третий, а в родном Киеве афонской схимой сможет похвастаться только он.

И Иларию уехал.

Года через два после этих событий на Афон приехал паломник из Одессы и стал расспрашивать русских монахов, не знают ли те великого афонского старца Илария, который двадцать лет провел на Святой горе в совершенном безмолвии, подвизаясь в скиту Карули.

Ему отвечали, что в Карули был один Иларию, но не больше года, получил схиму обманом, и постриг его Святая гора официально никогда не признает.

«Это наверняка не тот Иларию. – Паломник благоговейно перекрестился. – Тот старец воистину велик, благодатью равен Антонию Великому, силой духа подобен Серафиму Саровскому. Он великий прозорливец и мой духовный отец, так что не смейте его хулить! Этот благодатнейший схимник, видимо, скрывался на Святой горе от людских глаз, и поэтому о нём ничего здесь не знают».

Паломника заверили, что на Афоне каждая собака всё обо всех знает и попросили описать внешность Илария.

«Да точно он! Приехал Илларионом, а уехал Иларию, помним мы такого. Как же он подставил отца Симеона! Такой подлости свет не видывал!»

Но паломник только рассердился на тех, кто нападал на его духовного отца – великого афонского старца и, посчитав, что монахи просто завидуют благодати отца Илария и клеветают на святого, повернулся к ним спиной и, больше ни слова не говоря, ушёл. А оставшиеся в недоумении монахи ещё долго обсуждали слова паломника о том, что к «старцу» на приём занимают очередь с самого утра.

Теперь перейдем к другому нашему «герою» – Андрею. Около полугода тот бродил по Святой горе как сиромеха, от монастыря к монастырю, от скита к скиту.

Наконец, он прибил к зилотам, которые построили себе небольшую келью в Василии Великом. Зилоты всегда старались быть радушными и помогать как друг другу, так и всем нуждающимся.

Некоторые святогорцы считают, что в глубине души зилоты понимают, что они, всё-таки, не правы, и это побуждает их более обычных монахов хранить заповеди Христовы, чтобы доказать не только другим, но, прежде всего, самим себе истинность своего учения. Потому и мятежный Эсфигмен с радостью принимал к себе всех желающих и, с помощью своих покровителей на большой земле, организовывал им получение *abtotita* – греческого гражданства. В Эсфигмене на сей день самое большое братство Святой горы – около ста пятидесяти человек всех национальностей. Как властные монахи Протата, афонского правительства, ни пытались приструнить безчинников, Эсфигмен стоял насмерть и даже выпускал свой журнал, где обличал поместные православные Церкви в вероотступничестве. Журнал, к слову сказать, был отпечатан на прекрасной бумаге и издавался на нескольких языках, что, честно говоря, заставляло сомневаться в том, что зилотов «морят голодом», блокируя в море корабли с продовольствием, которые собирали всем миром для Эсфигмеи многочисленные последователи зилотства.

И вот, однажды Андрей, афонский сиромеха, уже порядком подуставший бродить по Афону в поисках пристанища, нашёл свой путь афонского пострига. Если Илларион украл постриг у друга, то его молодой последователь решил украсть его у зилотов.

«Почему бы и нет? Ведь это же настоящие вероотступники и обмануть их не столь грешно, как православных». Так думал измотанный бродяжничеством Андрей.

И хотя некоторые официальные монастыри, такие как Дохиар, также принимали Почти всех и даже делали иностранцам гражданство, но его насельникам приходилось работать по двенадцать часов в сутки, да ещё и хранить молитвенный устав Иосифа Исихаста. А такой путь для Андрея был неприемлем.

И вот однажды он, идя на бдение в Ватопед, встретил по дороге знакомого зилота. Тот тоже бродил из монастыря в монастырь, поскольку никак не мог усидеть в своей келье.

– Куда идешь, Андрей?

– На бдение в Ватопед.

– В Ватопед? Зачем тебе идти к этим масонам? Английская разведка и черная аристократия через принца Чарльза уже давно владеют этим монастырём [9] .

– Да я же не на масонов иду смотреть, а пение послушать да поесть. Думаю, меня сегодня примут, я в Ватопеде уже месяц как не был.

Зилот скорчил презрительную гримасу.

– Не продавай своё первородство за чечевичную похлебку, как Исав.

– Не нагнетай, Григорий. Мне просто надо поесть. Пусть масоны меня покормят, что в этом плохого?

– Андрей, разве наши зилотские кельи когда-нибудь отказывали голодным в куске хлеба, а странникам – в крыше над головой? Пойдем сначала в Эсфигмен, а потом к нам, на Василия Великого, живи у нас хоть месяц. Тебе не обязательно становиться зилотом. Просто живи, молись как тебе угодно.

– Ну, не знаю.

– А что – «не знаю»? Мотаешься по Святой горе, как неприкаянный. Пойдем, брат, поживёшь у нас, трудиться будешь по силам, молиться. Ну, как?..

Через два месяца жизни на Василия Великого Андрей перекрестился в зилотскую веру и перестал поминать в своих молитвах патриархов поместных церквей. Но оставаться здесь он тоже не мог, – зилоты были большими подвижниками и, хотя Андрея никто не заставлял подвизаться, как они, он спиной

чувствовал неодобрительные взгляды, когда, случалось, просыпал на молитву.

Паломники, приезжающие из России, тоже, в большинстве своём, зилотство не одобряли и считали Андрея вероотступником, а некоторые и еретиком. Тогда у него и возник этот хитроумный план.

Через месяц зилоты увидели, что Андрей стал подвижником и настоящим ревнителем истинной веры. Он молился по десять часов и выказывал стремление к уединению. Патриархов поместных Церквей он также хулил по несколько часов на дню, что заставило зилотских старцев признать Андрея русским братом. И через месяц брат Андрей был пострижен в схиму с именем Адриан и поселился в одной карульской пещере.

...А ещё через месяц отец Адриан покаялся и вернулся в лоно Церкви, прихватив из отпавшего зилотства великий ангельский постриг. А ещё спустя пару месяцев он вернулся в Россию, где быстро стал иеросхимонахом, охмунив одного монахолюбивого владыку.

Теперь отец Адриан – духовник женского монастыря и игумен мужского. Его духовные чада нисколько не сомневаются в благодатности своего «афонского старца».

Каждый год на Святую гору из России приезжает около десяти человек с намерением остаться там на какое-то время. Не все они ищут подвига, но почти все – афонского пострига.

Поэтому хотелось бы призвать православных быть бдительными – грядут «афониты». Афон – это как известный бренд, марка монашества, а известные бренды всегда подделывают. Остерегайтесь подделок, дорогие мои, и да поможет нам всем Христос.

Монашеский обычай

Жил, а, может быть, и по сей день живёт на Святой горе юродивый старец Анфим. Годами бродил он из монастыря в монастырь, из кельи в келью; обуви не носил, пел невпопад византийские гимны и беспрестанно молился Богу. Никто не подозревал, что этот старец видит то, чего не видят другие. В общем, что вам, православным, объяснять – старец Анфим был обычным святогорским юродивым.

И вот однажды ночевал он на вершине Святой горы в храме Преображения Господня. Прошло уже три часа после захода солнца – в это время монахи в большинстве своём прекращают молиться, и демоны становятся намного смелее. Выйдя из храма, старец вдруг услышал какой-то шум, доносившийся со стороны малого Афона. И увидел Анфим духовным зрением, что на Антифоне дьявол созвал бесов на совет.

Воссев на огромный трон из костей, украшенный черными черепами, он спросил, хорошо ли нечистые духи искушают подвижников благочестия. Бесы, перебивая друг друга, принялись описывать свои подвиги. Один чертёнок похвалялся, что заставил некоего смиренного уравновешенного старца выругаться на паломника. Другой поведал, что поссорил двух старых друзей пустынников (Анфим знал этих пустынников и воскорбел об их ссоре).

Наконец, дьявол ударил большой костью по медному котлу, призывая подчинённых к вниманию.

– Так, а теперь заткнитесь все и слушайте меня! Кто-нибудь из вас знает послушника Василия из Ватопеда? Этот монах вызывает у меня серьёзные опасения. Чувствую я, из него может получиться великий старец. Кто-нибудь из вас, льстецов и лгунов, подобрал к нему ключ? Отвечайте!

Бесы снова наперебой завопили, что, мол, на редкость послушливый и добродетельный этот Василий; что старшим братьям не перечит, а с младшими – милосерден и ласков; что молится много, а ест мало. И сколько ни пытались его искушать, этот монах всегда отражает самые хитрые их козни постом и молитвой.

И вдруг один бесёнок выкрикнул, что, мол, знает он слабое место Василия. Дьявол рывкнул:

– Всем заткнуться! А этот пусть говорит!

Вмиг наступила тишина. Тогда бес взобрался на камень, словно на трибуну, и сказал:

– Василий во всём безупречен, но есть у него одна сердечная страсть – девушка по имени Эвридики. Я нащупал эту брешь, когда проверял его прошлое. Оказывается, он дружен с нею с самого детства, даже был влюблён в неё, и та отвечала ему взаимностью. После того, как Василий поступил в число послушников Ватопеда, Эвридики, скорбя о своей любви, не стала выбирать других женихов, а пошла в женский монастырь, что на острове близ Афона.

Бесёнок сделал паузу, явно упиваясь уделённым ему вниманием.

– И что дальше? – Дьявол грозно нахмурил брови.

– Владыка мой, – продолжил бес торжественно, – я возбудил в них обоих тоску друг к другу, и они начали переписываться, вспоминая своё детство с большой теплотой и любовью.

Дьявол довольно захохотал и даже прижал к себе бесёнка в порыве чувств. Затем он обвёл грозным взглядом толпу поникших демонов.

– Вот как надо искать изъяны в обороне воинов Христовых, вот как надо проверять их на вшивость...

Часам к шести демоническая планёрка закончилась, и Анфим, увидев пролетающего мимо бесёнка, того самого, что был поставлен в пример другим демонам, схватил его за хвост.

– Ой, Анфим, отпусти меня! – заверещал бес от страха. – Только не бей, Анфимушка, отпусти!

– Да не собираюсь я тебя бить, лукавый, – ответил старец. – Скажи мне только, ты ведь, я слышал, похвалялся, что собьёшь с пути ватопедского послушника Василия...

– Да не хвалился я вовсе...

– Не перебивай меня, успокойся, наконец, и послушай! Я хочу помочь тебе ввергнуть этого послушника в блуд.

– Ты? – Физиономия беса вытянулась от изумления. – С чего это тебе помогать мне, Анфим, ведь ты на Святой горе наш враг номер один?

– Так-то оно так, да вот подрастёт Василий, глядишь, стану врагом номер два.

– А-а-а! – протянул бесёнок, расплывшись в довольной улыбке. – Не хочешь быть вторым, верно? Я подозревал, что вы такие же, как мы, только гордости у вас побольше, потому и пытаетесь стать святыми.

– Считай, что ты меня раскусил, – сказал Анфим, – но не вздумай кому-нибудь рассказать об этом, а то шкуру с тебя спущу.

– Замётано... Ну, и как ты мне поможешь в этом деле?

– Слушай меня внимательно. Тебе нужно организовать недельную паломническую поездку по святым местам Греции...

– А это так необходимо? – скривился бес.

– Не перебивай! Внуши Эвридики пригласить Василия в эту поездку, а тому – обмануть игумена, выдумав причину, по которой он, якобы, должен на время оставить монастырь. После этого послушническая благодать отступит от Василия, и ты сможешь возжечь в них огонь настоящей страсти.

– Толково придумано!

– Я в твоей похвале не нуждаюсь, дух нечистый! Скажи лучше, сможешь ли ты побыстрее повернуть это дело?

– Да за неделю, запросто!

– Ну, тогда лети, – усмехнулся Анфим, и, раскрутив бесёнка за хвост, запустил его, как пращу, в небо. Бес несколько раз перекувырнулся в воздухе, брякнувшись головой о стену храма Преображения, заверещал от боли и, проклиная подвижника, скрылся в ночи.

Через неделю юродивый оправился в Ватопед и отыскал там Василия. Послушник низко поклонился подвижнику и попросил его святых молитв.

– Послушай, Василий. – Анфим взял послушника за руку. – Один монах сказал мне, что ты собираешься на неделю в Грецию, в паломническую поездку. Не делай этого, брат, останься на горе. Ты ещё молод и можешь подвергнуться дьявольскому искушению. Прислушайся к мнению старика, не надо ездить.

Василий вспыхнул.

– Я уважаю вас, отец Анфим, но вы не мой духовник, поэтому вмешиваться в мою жизнь не имеете права. У меня есть благословение игумена, и я поеду.

– А про Эвридики ты тоже сказал игумену?

Василий зарделся ещё больше.

– Я уверен, что Матерь Божья благоволит моему решению и чтобы разрешить этот вопрос, я прямо

сейчас, на ваших глазах, брошу жребий.

Василий взял две бумажки и написал на одной «Богородица благоволит», а на другой – «Богородица не благоволит».

– Сейчас вы, отец Анфим, убедитесь, что эта поездка – по Божьей воле. Я в этом нисколько не сомневаюсь. Вытащите жребий сами. – Он опустил обе бумажки в свою капу и потряс её. – Вытаскивайте, отец Анфим!

Юродивый, не колеблясь, достал одну из бумажек и, даже не взглянув на неё, протянул жребий молодому послушнику. Тот поднёс бумажку к глазам и тяжело вздохнул.

– Да, отче, вы были правы, Пресвятая действительно не желает этой поездки. – Он снова вздохнул. – Но пути назад уже нет, я пообещал участвовать в ней и даже взял благословение отца игумена... Думаю, Матерь Божья всё поймёт.

Анфим улыбнулся.

– А ты лучше не думай, Василий. Матерь Божья, конечно, всё поймёт. Просто выполни волю Божьей Матери и обрящешь благодать Святого Духа. А если нарушишь Её волю, можешь подвергнуться большому искушению и даже впасть в смертный грех. Правда, и разбитую чашку можно склеить, но сможет ли она после этого выдержать кипяток?

Василий поклонился юродивому.

– Простите, отче, я не могу больше с вами говорить, мне пора на послушание.

– Ну что ж, Василий... Да укрепит тебя Господь Бог.

Неделю спустя юродивый вновь ночевал в храме Преображения Господня. И вновь он почувствовал, что на Антиафоне собрались вражеские ополчения. Дьявол, как и в прошлый раз, стал расспрашивать демонов, что «хорошего» было сделано за это время. Наконец, пришел черёд и того бесёнка, что намеревался усилить сердечную страсть Василия и Эвридики.

Дьявол грозно смотрел на него.

– Ну и что ты, демон, сделал с Василием? – Он обвёл злым взглядом собрание. – Расскажи-ка нам, герой!

Демон вновь вскарабкался на валун.

– Князь воздушных сил и лукавейшие демоны! – важно провозгласил он. – Дело моё завершилось успехом! Я вверг надежду афонского монашества, оказавшегося обычным хлюпиком, в блуд! И теперь он долго будет зализывать раны...

– Зализывать раны, говоришь? – дьявол неожиданно рассвирепел. – Отправить этого недоумка в ад, лет на сто! – Он грозно посмотрел на демонов, на мордах которых отобразились недоумение и страх. – Вы что, олухи, не знаете, что у монахов есть особый обычай, благодаря которому они даже свои грехи превращают в кирпичи, складывая из них лестницу в небо?! Если бы Василий просто вёл переписку с Эвридики и обменивался бы с ней подарками, считая, что питает к ней «братские» чувства, их отношения вменились бы в блуд перед Богом. А теперь посмотрите на этого Василия: он и был смиренным, а стал в два раза смиренней, теперь он и шагу не ступит без благословения. Вдобавок он дал обет читать каждый день акафист Иисусу Сладчайшему, а это ещё более усилит и без того крепкий молитвенный щит Афона. А как он плачет перед Матерью Божьей! Его слёзы, словно расплавленное олово, обжигают меня! Как же теперь с ним бороться?! А? Вы же лукавые духи, так оправдывайте своё прозвание делами! Мне нужно, чтобы вы, наконец, поняли – нам нужно быть более дальновидными...

Анфим, выслушав дьявольскую проповедь, улыбнулся и в тысячный раз запел акафист Пресвятой Богородице...

Эту историю рассказал мне сам юродивый схимонах Анфим. Хотя большинство святогорцев и крутили пальцами у виска при виде этого необычного схимника, я часто беседовал с ним и каждый раз получал на редкость вразумительные ответы на свои сомнения. Однажды мы заговорили о коварстве дьявола, и тогда Анфим и поведал мне эту историю, попросив, покуда он жив, никому её не пересказывать.

Честно сказать, я не уверен, жив ли он, но уже года два никто из святогорцев его не видел, и на свой страх и риск я передаю эту историю.

Когда я спросил отца Анфима, как я могу отблагодарить его за столь поучительный рассказ, он попросил бросить в него грязью. А когда я отказался выполнить его чудную просьбу, он сам запустил в меня большим комком глины, а затем, не попрощавшись, ушёл, оставив меня оттирать грязь с полы своего подрясника.

Отец Савва

Однажды я беседовал с юродивым старцем Анфимом о природе Божьего промысла. Он был, как всегда, прям:

– Мы с тобой глупцы, чтобы говорить на такие темы, пусть лучше об этом судачат богословы. Они-то уж точно знают, что такое Божий промысел и как он проявляется. Они и книг много написали, вот и читай их, я-то ведь не знаю об этом ничего.

– Но я уверен, геронта, что Бог открывает тебе поразительные вещи, но ты, по смирению, отказываешься научить меня тому, что знаешь сам.

– По смирению? – геронта улыбнулся. – Да ты точно глупец! Говорю же тебе, я понимаю промысел и истину лишь в меру своего понимания, богословы – своего. И даже животное понимает его в свою меру. Что ж ты хочешь-то от меня?

Я сделал перед старцем земной поклон.

– Я хочу слышать из твоих уст, как ты это понимаешь!

– По-по-по, а ты ещё глупее, чем я предполагал. Хорошо, я расскажу тебе одну древнюю историю, которую я услышал от своего старца, когда у меня возникли похожие недоразумения. Тебя это устроит?

– Ещё бы!

– Старец мой говорил, что у этой истории – свой дух, который я смогу понять только по мере своего понимания.

И то, что я её понимаю по-своему, не значит совершенно ничего. Ты понял? – Да.

– Ну ладно, тогда слушай: однажды, много веков назад, на Святой горе объявился странный человек. Впрочем, «странный» – не очень подходящее слово, поскольку здесь, на Афоне, все странные. Человека этого нашли на берегу монахи, где его, избитого, оставили сарацинские пираты.

Этот бедняга по имени Максуд был палестинским арабом и вырос в простой сельской семье. В двенадцать лет с ним произошло одно событие, которое повлияло на всю его дальнейшую жизнь.

Однажды он шёл к кузнецу, чтобы отдать ему деньги за работу, и повстречал по дороге бродячего дервиша. Тот выманил у мальчика динары, обещав взамен показать рай, затем напоил Максуда вином до умопомрачения, и сбежал, прихватив деньги.

Максуд был пьян до такой степени, что провалился на дороге до самого вечера, чем навлёк позор на всю свою семью. Отец покался перед общиной в своём отеческом небрежении, из-за которого только и могло случиться подобное с его сыном и, конечно, строго наказал Максуда. А Максуд думал: «Как это странно, что Аллах запрещает пить вино – ведь оно открывает дверь к такой радости! Дервиш не обманул!» Опыянение так понравилось юноше, что с этого времени он только и стал искать, где бы ему выпить.

Чтобы не погибнуть от руки собственного отца, узнавшего о его пристрастии, он сбежал из дому в Тир, где стал жить подённой работой, воровством и мошенничеством. Портовые города – идеальное место для пьянства и преступлений.

Но веревочка вилась недолго. Однажды на рынке византийский купец поймал его на краже и Максуду по закону шариата перед пятничным намазом отрезали палец. Он залил своё горе вином и стал думать, что же делать дальше: ведь в следующий раз за кражу ему отрежут уже руку. Работать он не любил, а его единственная страсть – вино требовала немалых средств, которых у повзрослевшего юноши

не было.

И тогда Максуд решил податься в пираты. Он слышал, что жизнь у них лихая, лёгкая, и обильно сдобрена вином. Правда, он также знал, что она обычно и недолгая, но выбирать не приходилось.

Вскоре Максуд нашёл нужное судно. Говорили, что этот корабль грабил, в основном, византийские и генуэзские купеческие судна и нападал на эпирские селения. Свирепый одноглазый капитан-корсиканец увидел, что проситель силен, храбр и уже без пальца. «То, что надо» – подумал капитан, и взял юношу в команду.

Но тут Максуда ждало разочарование: поскольку команда, если напивалась, частенько устраивала резню между собой, а иной раз и бунты, то капитан ввёл на корабле строжайший сухой закон. Только в определённые дни и под его надзором пираты могли пировать.

Но Максуд не растерялся. Ещё в первые годы своего пребывания в Тире он научился неплохо готовить, и капитан, однажды попробовав его стряпню, поставил его коком. Так наш герой получил свободный доступ к вожделенному напитку. Одноглазый пират часто замечал Максуда под хмельком, но закрывал на это глаза, поскольку готовил тот хорошо в любом состоянии, а во хмелю буен не был.

Так бы и пролетела в разбое и пьянках скоротечная пиратская жизнь Максуда, если бы не одно событие, заставившее его изменить и образ жизни, и род занятий. Однажды он, стоя на вахте, хлебнул по обыкновению вина и уснул... И в это время на них напал другой пиратский корабль.

Пираты с большим трудом отбились, потеряв в бою нескольких человек; а придя в себя и зализав раны, принялись за Максуда. Его жестоко избили и хотели было разрезать на куски, но, к счастью для пьяницы, начинался священный месяц Рамадан, и одноглазый капитан убедил команду, чтобы окончательно не прогневать Аллаха, просто выбросить полуживого от побоев кока на ближайшую сушу. Корабль в это время проходил мимо Афона, на песчаный берег которого и был выкинут почти бездыханный Максуд.

Когда он очнулся и увидел стоявших вокруг него монахов с сочувствующим выражением на бородатых лицах, то быстро сообразил, что надо делать. Зная румийский язык, выученный им ещё в Тире, он решил выдать себя за крещёного араба.

Назвавшись рабом Божиим Михаилом, он рассказал, что пираты вырезали всю его семью за то, что его мать, отец и братья приняли христианство. А его самого спас Бог, поскольку ради Рамадана пираты оставили его в живых.

Монахи были полны сострадания к «крещёному» сироте, у которого, к тому же, не было ни одного целого ребра, и стали заботливо выхаживать его.

Вскоре Максуд попросил игумена принять его в число братьев, и, когда он окончательно поправился, его приняли в монастырь, определив, как не трудно догадаться, на кухню, помощником повара. И стал Максуд чистить овощи и следить за тем, как варится чорба, не упуская, разумеется, возможности пошарить в винном погребе.

Страсть его скоро была обнаружена. Но Максуд был не промах. Он понял, что в отличие от религии его отцов – ислама, в христианстве можно много раз грешить и затем заглаживать вину покаянием. И он выучился падать ниц перед братьями, посыпать голову пеплом и раздирать ризы, обливаясь горячими слезами.

Игумен и братья монастыря скорбели о страсти своего послушника и терпели его довольно долго. Но любому человеческому терпению приходит конец, и монахи стали, время от времени, запирают пьяного Максуда в холодный чулан, а иной раз и поколачивать для исцеления от губительной страсти. Иногда его

даже не кормили целую неделю, приковывая пьяницу цепями к холодной сырой стене. Представления с посыпанием головы пеплом и падениями ниц давно перестали действовать на монахов, и Максуд понял, что кредит доверия в этом монастыре исчерпан.

И задумал Максуд-Михаил бродить из монастыря в монастырь, разыгрывая одну и ту же сцену. Когда его покаянию перестанут верить в одной обители, он пойдёт в другую. Эта светлая мысль пришла ему в голову во время отбытия очередного наказания в чулане.

– Какой же гнилой народ эти христиане! – роптал Максуд. – У нас братья мусульмане давно казнили бы меня и дело с концом, а эти разглагольствуют о любви, сострадании, а сами устраивают такие жестокие пытки. – И Максуд запел одну песню, которую слышал от тирских евреев, таким образом прикровенно хуливших христианскую веру и Божью Матерь.

«Африканского мальчика красивая матушка как-то раз собралась»... – Затянул он горестно и, в тоже время, злорадно, думая, что его никто не услышит. Но незадолго до этого игумен монастыря, ощутив порыв сострадания к Михаилу, послал одного монаха покормить его. Когда тот подошёл к двери чулана, Максуд как раз заканчивал петь богохульную песню. Монах остановился в растерянности – не ослышался ли он, но тут пьяница-араб совсем разошёлся и начал уже безо всякой прикровенности хулить христианство и прославлять Аллаха.

«Магометанин!» – воскликнул про себя монах и побежал к игумену.

Тот сначала не поверил монаху и, собрав несколько почтенных старцев, сам пошёл к чулану. То, что он услышал, рассеяло все его сомнения.

Старцам и игумену теперь нужно было решить, что же делать дальше с Максудом. Будучи магометанином, он много раз причащался Святых Христовых Тайн, и к тому же хулил Господа и Его Пречистую Матерь. И, посоветовавшись, собор вынес решение: за эти преступления сбросить Максуда со скалы.

Его освободили из заточения в чулане и привели на собор, где Максуд предстал перед теми, кого он так долго и подло обманывал. Его спросили, как можно, предав веру своих предков, в то же время бесчестить веру приютивших и вылечивших его монахов. Не сам ли он – дьявол, вошедший в человека?

Максуд поначалу стал отпираться и божиться, что всё это коварный навет. Но, услышав от достойных старцев те самые слова, что выкрикивал он, сидя в чулане, Максуд сознался во всём.

«Благочестивые старцы, я мусульманин, – сказал он, – и живу в этом монастыре лишь для того, чтобы удовлетворять своё пристрастие к вину, которое нам, мусульманам, запрещено. Моё настоящее имя – Максуд, и я не крещён. Теперь, великодушные отцы, когда вы всё знаете, дайте мне уйти и больше вы меня здесь не увидите».

«Уйти?! – возмутились старцы. – За те богохульства, за то надругательство над нашей верой и Святыми Тайнами, – уйти? Собор решил: ты будешь сброшен с высокого утёса в море. Если Бог захочет сохранить тебе жизнь, Он сделает это Сам. Наш приговор будет приведён в исполнение немедленно».

«Подождите! – воскликнул Максуд. – Отец игумен, благочестивые старцы, дозвоьте мне сказать, прежде чем вы бросите меня в бурные волны Эгейского моря!»

Игумен ударил жезлом об пол. «Говори, только быстрее. И не думай, что тебе удастся уйти от расплаты».

Максуд встал на колени. «У нас, мусульман, есть обычай, который мы храним с незапамятных времен. Если иноверец, какие бы преступления он ни совершил, захочет принять ислам, ему все прощается. Не оставите ли вы мне жизнь, если я захочу креститься во отпущение грехов?»

Старцы возроптали: «Ты два года жил в нашем монастыре и не выказывал желания креститься, а сейчас, перед лицом неизбежной смерти, ты извиваешься, как змей». – «Но как я мог пожелать креститься, если с самого начала выдавал себя за христианина, чтобы сохранить себе жизнь?»

«Твоё крещение будет искренним только тогда, – ответили ему старцы, – когда ты примешь его, зная, что всё равно будешь сброшен с утёса».

Раз Аллах не разрешает ему пить вино, подумал Максуд, и не спасает от гнева монахов, хотя он только что восхваляет его, то, может быть, и правда, хотя бы отсрочить время казни, приняв крещение. И он согласился.

Игумен приказал отвести Максуда обратно в чулан и, выслушав мнения старцев, в большинстве своём не желавших крестить богохульника, взял слово:

– Дорогие мои братья! Я поставлен Богом пасти вверенное мне стадо, и на Страшном Суде буду держать ответ за каждую душу, которую ко мне привел Христос. Что же мне сказать по поводу желания этого неверного принять святое крещение? Осознал ли он догматы? Нет! Чего же он ждёт от Христа? Он знает лишь, что Христос может подарить ему шанс ещё пожить на этом свете и попить вина в монастырях. И он отрекается от Аллаха, потому что не ждёт от него ни того, ни другого. Если у него такая мера познания истины, которая всем нам кажется низкой, подпой и ничтожной, что ж, – значит, так он понимает Христа. Но ведь он ждёт от Него жизни и радости! Можем ли мы отказать ему в крещении? Моё мнение – конечно, нет. Ведь святое крещение подобно семени, которое может вырасти в прекрасное дерево, с которого все мы сможем срывать сочные плоды. Христос даёт ему шанс на покаяние и, если неверный им не воспользуется, это будет всецело его вина. Но мы не можем лишать Максуда этого шанса.

Старцы, нахмурившись, выслушали своего игумена, и слово взял самый влиятельный из них.

– Отец наш игумен, у нас не было с тобой принципиальных разногласий до этого момента. По нашему соборному мнению, этот Максуд – есть второй Иуда. То, с какой легкостью он хулил Пресвятые тайны, говорит о том, что он законченный мерзавец. Таких хриstopродавцев, мы, согласно закону, сбрасываем с утёса. Но ты снами не согласен, и мы готовы поддержать твоё решение, но при одном условии. Если новый подопечный не исправится, ты будешь изгнан из монастыря вместе с ним, как пособник богохульника.

Игумен согласился.

Максуд был крещён с именем Савва, что по-сарацынски значит «вино». Он отрёкся от веры своих предков, был омыт баней пакибытия и получил новый нательный крест.

Игумен повелел вести его, как приговорённого к смерти, к утёсу. Савва, не выдав своего страха, стойко выдержал это испытание и тогда, вместо казни, его подвергли публичному бичеванию во время крестного хода. Савва дал торжественный обет на Евангелие – не пить вина до конца дней своих, и был принят обратно в число монастырских братьев.

Через два дня обет этот Савва нарушил и был с позором изгнан из монастыря.

Вместе с ним монастырь покинул и игумен.

– Прости меня, отче! – искренне просил Савва прощения у игумена. – Ты руководил таким большим монастырём и лишился всего ради меня.

– Что ты, Савва! – удивился игумен. – Тобою я приобрёл Царство Небесное.

Игумен благословил Савву и ушёл к пустынножителям, ну а крещёный араб стал искать себе новое пристанище, где он мог бы и дальше пить вино.

Но по всему Афону уже пронеслась весть о подлом пьянице-арабе, который принял крещение только

чтобы избежать законной смерти, и о том, что из-за него пострадал благочестивый пресвитер. Савве стало небезопасно находиться на Святой горе, потому что некоторые монахи хотели убить его, и он решил покинуть Афон.

И вот, идя горной тропой и обдумывая, как бы ему, не привлекая внимания, скрыться со Святой горы, он вдруг упал и подвернул ногу. Идти он не мог, и тогда от беспомощности и переполнившей его скорби Савва заплакал.

Вдруг рядом с ним раздался женский голос:

– Здравствуй, Савва.

Араб поднял заплаканные глаза и с изумлением увидел женщину, которая лучилась добротой и благодатью.

– Кто ты, световидная жена? – Удивленно спросил араб.

– Я Марьям. Я услышала твой плач и хочу помочь тебе.

– Чем же Ты сможешь мне помочь, великая Марьям? – Слёзы, не переставая, текли по щекам пьяницы.

– Я хочу, чтобы ты поработал на Меня, и если ты согласишься на эту работу, то через семь лет ты получишь место, где тебя будут уважать и где у тебя в любое время будет доступ к вину. Сколько тебе сейчас лет?

– Двадцать пять, о, Марьям! – ответил Савва.

– Значит, в тридцать три года ты и получишь это место. Согласен?

– Разве у меня есть выбор? – вздохнул Савва.

– Выбор есть всегда. – отвечала Пречистая.

И Савва согласился на эту работу...

Следующие семь лет Савва каждый день садился при дороге в лавру и начинал просить прощения у всех проходящих мимо за то, что он богохульник и винопийца. Ночевал он на улице, питался отбросами и одевался в лохмотья. Это и было работой, на которую он согласился. Божья Матерь обещала ему, что в эти семь лет его никто не тронет, он не умрёт от болезней – и единственное, и, пожалуй, самое трудное условие, которое Савва должен был соблюсти, чтобы получить обещанную награду: он не должен был выпить ни капли вина.

Первые время он ещё помнил о том, каково будет вознаграждение за эту тяжёлую и, как сперва казалось, непосильную для него работу, но с годами он так свыкся со своим положением, что совсем забыл о своём уговоре с Божьей Матерью. Так прошло семь лет, и за это время Савва ни разу не притронулся к вину. – Он сказал, что приступить к разговору о промысле Божьем мы сможем только после того, как я пойму, обманул ли Максуда тот хитрый дервиш, обещавший показать ему рай за несколько динаров, или нет? А ты как думаешь?

История одного предания

В давние времена, когда Афон ещё не был признанным центром Православия – монашеской республикой, хотя на полуострове уже было немало монастырей и благочестивых монахов, жил на этой земле один юродивый, который мог исцелять любую болезнь. Он сам решал, кого надлежит исцелить, а кому оставить болезнь как христианский крест, – впрочем, как мы понимаем, решал, разумеется, не он, а Дух Божий, Который обитал в его чистом сердце.

Из-за этого дара со всех концов Византийской империи к нему стекались толпы людей, желавших «лишь коснуться одежд его, чтобы исцелиться». Он тяготился своей славой и стремился к бесславию. Юродивого огорчало, что до конца своих дней ему придётся носить это бремя, а после смерти его и вовсе прославят, как великого чудотворца. Он долго и слёзно просил Бога избавить от этого бремени, затруднявшего его поиски Царства Божия, которое «внутри вас есть».

Десять лет прошло в упорных молитвах, и, наконец, Господь смиростивился над юродивым, и отца Онисипора – так звали блаженного – стали потихоньку забывать. Прошло ещё несколько лет, память о великом целителе стёрлась, и лишь Святая гора и Божья Мать, по просьбе Которой он окормлял Афон, помнили о нём.

Но за год до того, как слава его померкла, она, словно свеча перед тем, как погаснуть, разгорелась с новой силой. Слава о его даре распространилась по всей империи. Даже в сарацинских и италийских землях знали теперь о великом чудотворце Онисипоре.

В это самое время благочестивейший византийский аутократор Ираклий тяжело заболел какой-то неизвестной болезнью. Незадолго до того, как недуг свалил императора, Ираклий, победив персов, вернул в империю Честное и Животворящее Древо Господне, на котором наш Искупитель Иисус Христос победил смерть. Персы-огнепоклонники держали Древо в Ктесифоне, и Бог мечом славного Ираклия сокрушил доселе непобедимую Персидскую империю. Но, совершив этот подвиг, царь, вопреки церковным канонам и мнению Вселенского патриарха, сочетался браком со своей родной племянницей Мартиной, к которой воспылал нечистой страстью. И Бог покарал его, победителя и героя, тяжкой болезнью.

Народ любил его, и, несмотря на явное нечестие императора и заслуженно постигшее его наказание Божье, вся империя молилась о его выздоровлении. Самые искусные лекари из латинских, сарацинских и персидских земель упорно пытались остановить болезнь. Они делали ему припарки и втирали в истощённое недугом тело чудодейственные мази, но ничего, увы, не помогало. Порошки, снадобья и амулеты были бессильны – Басилеве таял с каждым днём.

В империи назревали смуты; арабы во главе с непобедимым Омаром теснили границы некогда славной Византии, от которой уже отделилось несколько провинций, и, сознавая опасность для империи создавшегося положения, патриарх предложил обратиться за помощью к славному афонскому чудотворцу Онисипору, чтобы тот молитвой и Божественной благодатью изгнал болезнь. Если не он, то никто другой уже не сможет поднять императора с одра, заставить его вновь воспрять духом и сокрушить своим мечом арабов, грозящих обратить великое святилище – Святую Софию в мечеть.

И вот корабль отплыл за блаженным. Прибыв на Афон, гонцы в течение нескольких дней искали Онисипора по Святой горе, пока, наконец, не нашли юродивого в одной из афонских пещер, где он молился Богу.

Они передали блаженному повеление патриарха, сопроводили Онисипора на корабль, и на всех парусах помчались в Константинополь.

И вот блаженный, одетый в ветхое рубище, предстал перед императором, лежавшим на своём одре в сияющем золотом дворце. Басилевс за последнее время повидал множество лекарей и уже не надеялся на выздоровление. В отчаянии, он даже удалил из дворца Мартину, но и это не помогло. Царь умирал.

Блаженный постоял немного у его изголовья и, не сказав ни слова, вышел.

Духовенство, лекари и придворные сразу же окружили его. Все знали о великой благодати, дарованной Господом Онисипору, и что если поступить так, как скажет блаженный, царь непременно выздоровеет.

Онисипор оглядел собрание и сказал:

– Я не знаю, чем помочь самодержцу. Царь может исцелиться только верой!

Благообразный седовласый духовник Ираклия, архимандрит одной из Константинопольских обителей, почтительно, но твёрдо возразил блаженному.

– Вера царя как никогда сильна, но и она не помогает.

– Что ж, если не помогает вера, есть только один способ исцеления, но он очень жесток, и я не могу предложить его вам.

– Как бы ни был жесток твой совет, – сказал духовник Ираклия, – ты должен нам его дать, иначе великая православная империя может погибнуть – враг уже у ворот! Итак, что это за способ? Говори, заклинаем тебя всемогущим Именем Божиим!

Онисипор тяжело вздохнул и сказал:

– Хорошо, тогда слушайте. Басилевсу необходимо выкупаться в крови тысячи младенцев возрастом до двух лет, и тогда он выздоровеет.

Хотя авторитет блаженного был очень высок, но поначалу все в ужасе отвергли такой способ исцеления. Однако прошло некоторое время, первые эмоции улеглись, и многие стали подумывать, что не такая уж это большая плата за здоровье благочестивого императора. Разве жизни тысячи младенцев, которые отправятся прямоком в райские обители, не испытав тех страданий, которыми наполнена человеческая жизнь, значат больше в сравнении со смутами, которые непременно возьмут кровавую дань, не сравнимую с этой благородной жертвой? А смуты и кровопролития, которые учинят арабы, непременно вспыхнут, если Ираклий умрет.

И вот по всей империи было разослано послание патриарха, в котором он призывал румийских матерей пожертвовать своими детьми во имя блага святой Церкви и богоспасаемой Византии. Эти дети, обещал патриарх, по выздоровлении Басилевса, который сразу же снарядит и возглавит армию против магометан, будут торжественно причислены к лику святых.

Ираклий, узнав о том, какой ценой ему достанется выздоровление, попытался отказаться от исполнения этого замысла, но патриарх с духовником стали убеждать его. Они говорили, что он не погрешит перед Богом и детьми, что их не отберут насильно – это будут непорочные агнцы, великая жертва румийских матерей, принесённая ими даже не ради сохранения его жизни, а ради империи и благополучия святой Церкви. И, в конце концов, Басилевс, здоровье которого ослабевало с каждым часом, скрепя сердце, дал согласие.

И вот через неделю во дворец доставили девятьсот девяносто девять младенцев, которыми пожертвовали румийские женщины ради выздоровления благочестивейшего Ираклия – спасителя Нового Рима.

Блаженный же, узнав о том, что число младенцев неполно, стал настаивать на точном исполнении его

указания, иначе, сказал он, жертва будет напрасна и вместо исцеления Ираклий получит страшное проклятие, которое с ужасающей силой обрушится на всю империю.

Император был уже на последнем издыхании, медлить нельзя было ни секунды. И тогда окружение императора решило забрать недостающего ребёнка насильно.

Духовник, как новый Каиафа, долго убеждал Ираклия согласиться на это предложение, уверяя, что этот несомненный грех будет замалывать каждый подданный империи, а сей невинно убиенный младенец, как Иисус Христос, будет принесён в жертву ради империи и Церкви. Но Ираклий, вдруг во всей полноте представив весь ужас предстоявшего ему купания в крови младенцев, приказал всё отменить и вернуть детей их матерям.

– Если Бог не хочет меня исцелять другим способом, лучше я умру! – сказал он и в изнеможении закрыл глаза, ожидая смерти.

В ужасе духовник закрыл лицо руками, представив, что станет после смерти Басилевса и с империей, терзаемой арабами, и с ним самим, неминуемо уничтоженным могущественными врагами-завистниками из клира.

Но только Басилевс принял своё последнее решение, как неожиданно почувствовал, что болезнь стала оставлять его. Царь начал выздоравливать!

Исцеление Ираклия империя отмечала как великий праздник, а по окончании торжеств, вспомнив, наконец, о том, кто стал причиной выздоровления императора, патриарх и духовник Ираклия повелели снова привести к ним Онисипора.

Увидев его, они низко поклонились блаженному, и патриарх спросил:

– Знал ли ты, что так случится? Ну, конечно, знал! Ответь, почему же ты выбрал такой необычный способ врачевания?

Юродивый отвечал:

– У Басилевса было недостаточно веры для исцеления, поэтому мне пришлось сделать то, что уравнило бы гнев Божий, который пребывал на нём за сочетание браком с Мартиной. Молитвы румийских матерей, их святая жертвенность и, наконец, последний выбор Ираклия – вот, что помогло царю выздороветь.

Все подивились необычайной мудрости Онисипора и отпустили его с миром и великим почтением обратно на Афон.

После этого удивительного события его слава стала тускнеть и только святогорцы ещё долго приходили к нему за духовным советом. Через несколько лет Онисипор получил от Бога весть, что близится его отшествие в иной мир. Желая достойно подготовиться к собственной кончине, блаженный в молитвах стал просить о том, чтобы у него были отняты все дары, кроме дарования плача покаянной молитвы. Ему хотелось укрыться в какой-нибудь пещере и вымолить перед кончиной у Господа прощения всех своих грехов.

Господь слышит молитвы праведников – и вскоре Онисипор прекратил принимать монахов и всецело предался горячей покаянной молитве.

Накануне его честной кончины к нему в видении явилась Матерь Божья.

– Отец Онисипор, ты честно потрудишься в Моём святом уделе и, как никто другой, заслуживаешь награды. Но вот только скажи Мне, зачем ты молишь о том, чтобы Господь изгладил после твоей смерти всякую память о тебе, которая могла бы помогать людям? Вспоминая твои святые дела, они многие века

прославляли бы Бога!

Блаженный отвечал:

– Твоя правда, Пречистая Мать, пусть будет так, как угодно Тебе. И мудрые, и неразумные нуждаются в милости Божьей. Мне бы хотелось, чтобы после меня осталась такая память, что мудрый станет, благодаря ей, ещё мудрее, а неразумный прославит своего Создателя. А сам я не хочу знать, какая память останется обо мне в людских сердцах.

Мать Божья обещала, что его желание будет выполнено, и блаженный в духовных песнях прославил Её и Создателя за их безграничную доброту.

Недалеко от пещеры, в которой молился блаженный, стоял большой монастырь, где весьма чтили Онисипора. Однажды послушник этой обители трудился в огороде и заметил юродивого, который стоял чуть поодаль и плакал, глядя на монастырь. Блаженный давно не появлялся на людях, и послушник поспешил доложить игумену о необычном поведении юродивого старца. Игумен подошёл к тому месту, где послушник встретил Онисипора, и увидел, как блаженный удаляется в свою пещеру, вытирая слёзы.

Ох, не просто так блаженный смотрел на монастырь и проливал свои святые слёзы, – подумали монахи, – не иначе близится страшное землетрясение, которое и обитель нашу разрушит, и нас самих погребет под её камнями! Среди монахов началась паника, и тогда игумен со старцами решили перенести монастырь в другое место, чтобы избавиться, как им казалось, от неминуемого гнева Божия. Не откладывая дело в долгий ящик, они стали перебираться в другое место, взяв с собой только самое необходимое...

Сбежавшее в спешке с Афона братство переселилось на Олимп, построило там новую славную обитель и «в честь чудесного избавления от землетрясения» установило особый молебный чин, который монахи этого монастыря помнят до сих пор.

Как гласит предание, как только они вышли из монастырских стен, поверив предсказанию блаженного, случилось землетрясение, которое полностью разрушило их обитель, поучая их усердней молиться Богу.

А причиной этому была горькая луковица, которую блаженный чистил в пещере. Вышел же из неё Онисипор только для того, чтобы промыть глаза, а вовсе не для того, чтобы предупреждать монахов о грядущей катастрофе.

Оставивший таким странным образом о себе память блаженный Онисипор стал готовиться к кончине. Произошла же она следующим образом.

Однажды он вышел из своей пещеры, чтобы набрать воды. Рядом с пещерой работали дровосеки, и один из них не сумел направить в сторону падающий срубленный каштан, и тот насмерть зашиб блаженного.

Дровосек, увидев, что нечаянно убил монаха, перепугался не на шутку и, пока другие дровосеки не заметили его невольное преступление, он выкопал небольшую яму, положил в неё тело отца Онисипора, забросал землёй и присыпал яму листьями.

Душа блаженного, минуя мытарства, отправилась напрямик в обители праведных, а тело его так никто и не нашел. Монахи Святой горы долго гадали, куда юродивый мог пропасть, и решили, что он стал, благодаря особым дарованиям, невидимым, и, теперь, недоступный для всех, молится за мир.

Тот дровосек, что стал невольным убийцей Онисипора, подался в монахи и подвизался так ревностно, что вскоре стал почитаемым старцем. Двадцать пять лет он выпрашивал прощения у Господа за свой грех, пока ему не явился блаженный и не объявил, что убийство ему прощено.

Эту историю мне рассказал святогорский монах по имени Анфим. Откуда он её взял, я не знаю, но когда я её услышал, она так мне понравилась, что я воскликнул: «Дивны дела Твоя, Господи»! Так действует память блаженного и по сей день. Не знаю, стал ли я мудрее после того, как услышал эту историю, но, в любом случае, я прославил в душе Творца, который творит многие и великие чудеса в людях Своих.

Что есть православие

Недавно поспорили два почтенных отца нашей обители – отец Филитер и отец Филагрий о том, что есть православие. В этот спор оказался втянут, так или иначе, весь наш маленький Костамониту. Отцы, призывая в свидетели святого первомученика Стефана, небесного покровителя Костамониту, с воинственным греческим пафосом отстаивали свои убеждения.

Костамониту не входит в число обителей, официально поддерживающих политику Вселенского патриарха, которых на Афоне осталось всего три: Великая лавра, Ксенофонт и Ватопед, – его позиция ближе к мятежному зилотскому Эсфигмену. Он не восставал против Протата, но, как и Эсфигмен, не берёт денег Европейского Союза, выделенных из специального фонда Юнеско по сохранению памятников культурного наследия. Сербь из Хилендара также поначалу упорствовали, но затем всё же приняли помощь, и через некоторое время сербский монастырь загорелся. Зилоты восприняли этот пожар как знамение.

Также наш монастырь не поддерживает и политику эллинизации, которую проводит Вселенский патриарх, да подаст ему Господь Благодать Святого Духа. Вот один из примеров отношения Костамониту к подобным проявлениям национализма. По неофициальному приказу патриарха стало запрещено принимать в греческие монастыри послушников других национальностей. То есть, русских – только в русский монастырь, сербов – в сербский, болгар, соответственно, в Зограф, а румын в скит Продром, находящийся на территории Великой лавры. Но Костамониту, нарушив это высочайшее повеление, противоречившее самому духу монашества, принял четырёх румын, грузина и даже одного русского.

В Великой лавре, как и во многих других святогорских обителях между эллинизмом и православием давно был поставлен знак равенства. Самые оголтелые эллинисты относились к другим православным народам как к недоразвитым прозелитам, только вчера принявшим возвышенную религию греков. Недавно наши костамонитские румыны были ошеломлены воинствующим национализмом старцев Великой лавры. На престольный праздник – панигир Афанасия Великого монастыри обычно приглашают сиромых и келиотов, чтобы те помогли на кухне, и оплачивают эту работу. Так вот, в нынешнем году произошло неслыханное, с точки зрения монашеского пути, событие: игумен лавры приказал платить грекам по двести евро, а представителям других национальностей – только по сто.

Этот факт и положил начало долгому спору между отцом Филагрием и отцом Филитером. А началось всё с того, что отец Филитер, мать которого была понтийская гречанка, сказал:

– Это неслыханно! Православие – религия не одних только греков и Афон – монашеская республика для представителей всех национальностей.

Отец Филагрий был, так сказать, умеренный эллинист и позволил себе не согласиться с таким утверждением.

– Не передергивай, отец Филитер. Православие – это греческая религия. Господь избрал наш великий народ для этой миссии – распространить истину среди всех народов земли. Какое у славян православие? Наше, греческое! Устав, каноны, правила, – всё взято у нас, как и сама вера. Даже создатели их азбуки – святые братья Константин Философ и святитель Мефодий были греками. Я не оправдываю игумена лавры, он поступил, конечно, не по-монашески и своим поступком оскорбил наших единоверцев. Однако я не думаю, что у кого-нибудь вызывает сомнение тот факт, что первенство греческого народа в православии – несомненно.

– И теперь, по-твоему, славяне и румыны, как сказано, словно псы, должны подбирать крошки со

стола господина? – Отец Филитер не на шутку разошелся и спор привлек внимание братии.

Мне, бывшему свидетелем этого спора с самого его начала, показалось, что этот вопрос затрагивает самую сущность того, что же такое православие. Когда монахи-«простецы», вмешиваясь в рассуждения старцев, пытались заявлять о том, что православие – есть истина, их никто не слушал, потому что «это и так понятно». Такое определение было слишком банальным для монахов, закончивших богословский факультет Университета в Салониках.

Между тем, отец Филагрий продолжал доказывать свою правоту. Он говорил, что догматику, иконопись и вообще византийское искусство создали представители греческого этноса. Все народы, входившие в состав империи, уклонились и ереси, кроме греков. Копты и армяне стали монофизитами, сирийцы – один из самых набожных народов, после периода несторианства и вовсе перешли под зеленое знамя нового арабского пророка. Латиняне уклонились в папскую ересь. Одни греки остались верны православию и просветили светом истины славянские народы, а также грузин и румын. Он уже охрип от затянувшегося спора, но по-прежнему горячо вразумлял собеседника:

– Отец Филитер, ты совсем потерял разум. Ещё недавно твои любимые русские отказались от религии своих и наших отцов. На развалинах своей православной империи они построили богоборческое государство, которое поработило все православные народы, кроме греков. Господь сохранил нас от красного рабства потому, что мы хранили веру даже во времена пятивекового владычества турков. Это явный знак избранничества нашего многострадального и великого народа перед лицом Божиим. А покаяние русских мы, конечно, принимаем, но пусть они заглаживают свою вину смирением, а не оспаривают власть Вселенского патриарха.

Хотя с некоторыми утверждениями собеседника отец Филитер не мог не согласиться, но выводы, которые тот делал, были для него неприемлемы:

– Всё это, конечно, так, отец Филагрий, – греки промыслительным образом создали православие и религиозную культуру. Однако, после падения Константинополя, именно славяне, русские, сохранили православие и предотвратили его уничтожение многочисленными врагами. Они помогали грекам, которые стонали под турецким игом. Вселенский, Александрийский и другие греческие патриархи всегда получали поддержку из Москвы...

Отец Филагрий сложил руки на груди и насупился.

– Что ты хочешь этим сказать? Что Бог не сохранил православие, если бы не русские? – Он обернулся к другим монахам. – Не ересь ли это? Просто богохульство! Православие не может быть уничтожено!

– Так-то оно так! Но ты передергиваешь, я говорил о другом. Я считаю, каждый православный народ имеет свою особую миссию. У греков она была одна, у русских другая, у сербов, болгар, румын и грузин также свои миссии. Во Христе, как сказал апостол Павел, учитель языков, нет ни эллина, ни иудея. Имеем ли мы право считать себя «белой костью» православия, обладателями «честь», дарованной нам от рождения?

– Так что ты хочешь этим сказать, отец Филитер? Разве ты не согласен, что между православием и эллинизмом можно поставить знак равенства? В каждом афонском монастыре есть плакат с символом нашей веры – Святой Софии, где черным по белому написано: Ortodoxia = Ellinizmo. Это и есть отображение нашего упования! Ты что, осмелишься с этим поспорить?! – монах усмехнулся. – Может быть, это всё потому, что ты не чистый эллин.

Тут остальные монахи, свидетели спора, начали осаживать не на шутку разгорячившегося отца Филагрия и предлагать всем разойтись. Но в это время к спорящим подошёл старец Анфим. Хотя его «странности» и отсутствие постоянного места жительства на Афоне давали почву для пересудов злым

языкам, однако многие почтенные святогорцы прислушивались к его словам и обличениям.

– По-по-по! – сказал он. – Отцы, зачем же так шуметь?!

Анфиму вкратце объяснили суть этого горячего спора, грозящего перерасти в настоящий конфликт, и он, немного подумав, предложил собравшимся выслушать одну историю. Все согласились: почитатели отца Анфима надеялись, что тот мудро разрешит все недоумения, другие же подумали, что он хотя бы отвлечет спорящих, и распря, которая могла надолго отравить покой обители, угаснет. Старец неторопливо начал:

– В общем, слушайте, благочестивые старцы. У одного мудрого отца было семь сыновей. Старшему было уже тридцать лет, а младшему только десять. Настало время переселиться отцу в небесные обители, и он позвал сыновей к своему одру: «Дети мои, есть у вас старший брат, который, пока вы не повзрослеете, будет вам за отца. Землю, доставшуюся мне от вашего деда, я поделил на семь равных частей. Можете пахать её и сеять». – «Отец, ты же знаешь, что мы не хотим быть земледельцами! – возразил старший брат. – Это тяжелый труд. Неужели ты не оставишь нам немного золота, чтобы мы занялись купеческим ремеслом?» – «Дети! Я, конечно, скопил достаточно денег для того, чтобы вы все смогли выбрать занятие по душе. Но, чтобы избежать несправедливого дележа – ведь старшие братья, воспользовавшись преимуществами, которые даёт возраст, могут оставить младших ни с чем – я спрятал золото и драгоценности на одном из ваших полей. Когда младшему наступит семнадцать лет, вы сможете разделить наследство поровну между всеми братьями». – «Отец, но как мы сможем узнать, на каком из полей лежит золото?» – обеспокоенно спросил старший брат. Но родитель уже испустил дух, оставив последний вопрос без ответа.

Похоронив отца, братья стали думать, как им найти золото, невзирая на повеление старца дожидаться совершеннолетия младшего брата.

«Мы просто не поняли отца, – сказал старший брат. – Вы все слышали, как он сказал, что я теперь вам за родителя. Поэтому все решения впредь принимаю я. Слушайте, что я вам скажу! Отец оставил нам много земли и золото, которое зарыто на одном из наших полей. Я думаю, что оно закопано на моем поле. Поэтому предлагаю заняться поисками золота с него».

Братья взяли лопаты и стали с утра до поздней ночи искать сокровище. Поле старшего брата было очень большим, и братья перекопали его до конца только через два месяца. Ни золота, ни драгоценных камней они не нашли. Тогда старший брат сказал: «Что ж, сокровищ на моём поле нет. Однако поле мы уже всё равно вспахали, так что давайте засеем его, чтобы нам не голодать зимой».

Все согласились с предложением старшего брата и, посеяв пшеницу, осенью собрали богатый урожай, которого хватило им и на пропитание, и на продажу.

На следующий год братья решили перекопать поле второго по старшинству брата. На этот раз у них было уже две лошади, купленные на вырученные от продажи пшеницы деньги.

Сокровище опять не нашли.

Тогда старший брат предложил перепахать и засеять и его поле, чтобы потом совместно владеть урожаем. Братья согласились и поступили так, как он сказал. На этот раз урожай был ещё богаче, поскольку был собран уже с двух полей, и братья смогли нанять каменщиков, которые построили им просторный дом.

Так, год за годом, распахивали братья свои поля и богатели от продажи урожая и, в конце концов, осталось последнее поле – самого младшего брата, которому как раз исполнилось семнадцать лет. Теперь было ясно, что золото закопано именно на его поле, и охваченный жадностью, младший брат сказал, что когда они найдут золото, то поделят его пополам – одну часть ему, другую всем остальным, а иначе он не

разрешить раскапывать своё поле.

Братьям ничего не оставалось делать, как согласиться.

Ставшее уже привычным для братьев занятие подходило к концу, как вдруг один из них наткнулся в земле на небольшую шкатулку. Было не похоже, что в ней-то и спрятаны обетованные отцом сокровища. Младший брат открыл шкатулку и вытащил свиток, в котором лежало настоящее завещание отца.

«Возлюбленные мои сыновья, если вы читаете это письмо, то самый младший из братьев уже достиг совершеннолетия. Простите меня, что я не оставил вам золота и драгоценных камней. А поступил я так для того, чтобы вы не начали враждовать друг с другом. Но теперь у вас есть земля, которую вы уже столько лет возделываете. Совместный труд должен сплотить вас, сыновья мои, вы узнали, в чём ваша сила – в единстве. Так будьте же единоклубны, и тогда ничто на свете не сможет вас одолеть».

Когда младший брат прочёл письмо, он упал братьям в ноги и стал просить прощения за своё дерзкое поведение, и братья охотно простили его. Они поняли завет отца. Через десять лет братья стали могущественными землевладельцами, с которыми считался даже правитель земли, где они жили.

Выслушав отца Анфима, монастырские братья перестали спорить и разошлись. Скоро должно было начаться повечерье. Одни уходили вразумленные, другие недоумённо хмыкали и пожимали плечами.

– Не все поняли вас, отец Анфим, – сказал я старцу, когда мы остались наедине.

Блаженный улыбнулся.

– Здравый смысл всегда воздействует на человека. Он обладает самостоятельной силой, не зависимой ни от того, кто говорит, ни от того, кто слушает. Даже те монахи, которые ушли отсюда с недовольным видом, поверь мне, поняли, что я хотел сказать: православие – это то, что нас объединяет, а не разделяет.

Примечания

1

Освободительная армия Косова.

2

Святогорский посох.

3

Анисовая водка.

4

Примус.

5

Спасибо – Румынск.

6

Омологий – документ на право владения кельей, выдаваемый монастырём, на территории которого находится келья, в данном случае – Великой лаврой.

7

Источник близ Великой Лавры.

8

Скорбный путь, по которому нёс Свой крест Господь Иисус Христос.

9

Ватопед – это соседний с Эсфигменом монастырь, который полностью поддерживает политику Вселенского патриарха Варфоломея. Когда братство Эсфигмена откололось от остального монашеского святогорского сообщества, между этим зилотским монастырем и Ватопедом случались столкновения вплоть до того, что зилоты перерывали дорогу в Ватопед, а прибывшая полиция разгоняла их с помощью слезоточивого газа.